

ШКОЛА МЫСЛИ

Альманах гуманитарного знания

№ 2(14)

ШКОЛА МЫСЛИ

Альманах гуманитарного знания

№ 2(14)

Новосибирск 2015

Редакционный совет:

Сабиров В.Ш. (главный редактор)
Емельянов Б.В. (Екатеринбург)
Зимбули А.Е. (Санкт-Петербург)
Каримов А.Р. (Казань)
Панова Ю.В.
Соина О.С.
Фриауф В.А.(Саратов)
Чудинов С.И. (зам. главного редактора).

Школа мысли. Альманах гуманитарного знания. – Новосибирск. - 2015. № 2(14).

В альманахе "Школа мысли" представлены научные труды профессоров, преподавателей гуманитарных дисциплин и аспирантов, посвященные актуальным проблемам философского и культурологического знания. Авторы придерживаются различных мировоззренческих и методологических подходов, представляют широкую панораму теоретических воззрений, что создает возможности и предпосылки для конструктивного диалога между ними, а также служит хорошей школой для молодых ученых-гуманитариев.

Электронный вариант альманаха "Школа мысли" можно найти
на
сайте: <http://shkola-mysli.narod.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТИКА

<i>Сабиров В.Ш.</i>	Этос как субъект и объект информационного воздействия.....	7
<i>Боровой Е.М.</i>	Нравственные измерения страха.....	18
<i>Лебедев А.В.</i>	Одушевление денег в протестантской традиции.....	33

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Соина О.С.</i>	Русский мир как его представлял Ф.М. Достоевский.....	37
<i>Попов В.Г.</i>	Антиномичная сущность игры.....	45

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

<i>Решетникова Е.В.</i>	Метаморфозы субъекта научной коммуникации.....	57
-------------------------	---	----

ФИЛОСОФИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

<i>Чудинов С.И.</i>	Россия как оплот мировой цивилизации в условиях глобальной нестабильности .	67
---------------------	--	----

ЭСТЕТИКА

<i>Ежов В.С.</i>	Становление Homo aestheticus: от клетки до ценности.....	74
<i>Петрухина О.</i>	Проблема формирования романтического мировоззрения человека.....	84

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

<i>Носова И.В.</i>	Социокультурные аспекты воспитания патриотизма и гражданственности российской молодежи.....	92
--------------------	---	----

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТУПИЧОК

<i>Зимбули А.Е.</i>	Беглые заметки участника российского философского конгресса 2015 года.....	113
---------------------	---	-----

Сведения об авторах.....		121
--------------------------	--	-----

SCHOOL OF THOUGHT

The Humanitarian Knowledge Almanac №2(14)

CONTENTS

ETHICS

<i>Sabirov V.Sh.</i>	Ethos as a subject and object inform impact.....7
<i>Borovoy E.M.</i>	Moral dimensions of a fear.....18
<i>Lebedev A.V.</i>	Animation money in the protestant tradition.....33

PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Soina O.S.</i>	Russian world as it was represented by F.M. Dostoevsky 37
<i>Popov V.G.</i>	Antinomy essens of play 45

PHILOSOPHY OF SCIENCE

<i>Reshetnikova E.V.</i>	Metamorphosis of the subject scientific communication.....57
--------------------------	---

PHILOSOPHY OF GEOPOLITIC

<i>Chudinov C.I.</i>	Russian as a Bastion of world civilization.....67
----------------------	--

AESTHETICS

<i>Esjov V.S.</i>	Becoming homo aestheticus: from cells to values.....74
<i>Petruchina O.V.</i>	The issue of human's romantic outlook creation.....84

SOCIAL PEDAGOGY

<i>Nosova I.V.</i>	Socio-cultural aspects of patriotism and civil education Russian young people.92
--------------------	---

INTELLECTUAL CUL-DE-SAC

<i>Zimbuli A.E.</i>	Fugitive impressions of a participant Russian philosophical congress 2015 113
---------------------	--

ЭТИКА

В.Ш. Сабиров
г. Новосибирск

**ЭТОС КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о духовном, этическом и эстетическом аспектах информационных войн. Проводится мысль о необходимости исследования отечественного этоса в целом и субэтосов внутри него, подвергающихся информационным воздействиям, с целью противодействия им, а также особенностях этосов, являющихся источниками информационных войн.

Ключевые слова: духовный, этический и эстетический аспекты информационных войн, субъект и объект информационного воздействия. этос, субэтос, «ценностные вирусы», абберрации религиозного, нравственного и эстетического сознания.

**ETHOS AS SUBJECT AND OBJECT OF INFORMATION
IMPACT**

V.Sh. Sabirov

Abstract: the article covers the issues of spiritual, ethical and aesthetic aspects of information warfare.

Key words: mental, ethical and aesthetic aspects of information warfare, the ethos, subethos, subject and object of information impact, "value viruses", aberration of the religious, moral and aesthetic consciousness.

Практически все XX столетие Россия переживала и до сих пор продолжает переживать особый тип социокультурного воздействия, именуемого информационной войной. Информационная война потому и носит название «информационной», что она самым непосредственным образом связана с конкретным видом знаний, предполагающим оказание определенного рода воздействия (прямого или косвенного – в зависимости от политической ситуации) на внутреннее духовно-ценностное пространство человека или социума с целью изменения или радикальной трансформации их жизнеопределяющего «ценностного ядра», включающего в себя

собственно этические установки и предпочтения: нравы, обычаи, традиции, различия добра и зла, нравственно дозволенного и недозволенного, представления о добродетельных и морально негативных формах поведения, духовно-нравственную мотивацию и систему этически обоснованного выбора и пр. Более того, это сложно организованное ценностное ядро, как правило, органично вбирает в себя и эстетические воззрения индивида на мир и свое место в нем, что в целом и в частностях формирует вариативные образцы социокультурной избирательности, включающие в себя организацию пространства и быта, одежду, оформления жилищ и мест обитания, и наконец, даже сугубо вкусовые пристрастия. В него входят также духовные императивы жизнедеятельности людей. Это сложно составленное образование получило название этоса, и именно оно является в конечном счете главной мишенью различного рода информационных воздействий. В итоге информационной войны оказываются затронутыми ментальные и духовно-ценностные характеристики человека или общества, утрата или ослабление которых является прямой угрозой социально-политическим устоям государства.

В настоящее время, исследованию этосов в контексте информационной войны уделяется мало внимания, что, с одной стороны, вызывает некоторое удивление ввиду крайней невостребованности именно этой тематики отечественным компетентным сообществом, а с другой, - поскольку в современной западноевропейской и американской литературе эти моменты явно камуфлируются, не может не навести на определенные размышления¹. И коль скоро именно духовные и этико-эстетические основания информационной войны явно выпали из сферы интересов современных ее аналитиков, автор считает своей непосредственной целью теоретически восполнить данный пробел, полагая, что без него исследования ряда современных аспектов информационной войны будет страдать неточностью, неполнотой и неконкретностью, а главное – будут необратимо утрачены сущностные характеристики самих субъектов и объектов такого рода воздействий, в результате чего намеренно (или же вследствие отсутствия целостной исследовательской стратегии) искажается само проблемное поле общетеоретической задачи.

Для вдумчивого исследователя отнюдь не является тайной, что две глобальные социокультурные катастрофы, постигшие Россию в XX веке, имели первопричиной именно проигранную

---

¹См., например, работы Дж. Лакоффа, Т. Симпсон, М. Тодео, Г. Почепцова.

информационную войну, причем преимущественно и в основном – в духовной и этико-эстетической сфере. О том, что Россия рано или поздно столкнется именно с такими формами воздействия предупреждали отечественные писатели, философы и публицисты XIX – XX вв. (Ф.И. Тютчев, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, М.П. Катков, К.Н. Победоносцев, Н.С. Лесков, И.А. Ильин, И.С. Шмелев, И. А. Бунин и др.), этнографы, историки и культурологи (В.О. Ключевский, Н.Я. Данилевский, Н.С. Гумилев и др.), политики и дипломаты (П.А. Столыпин, С.Ю. Витте, П.Н. Дурново и др.), однако их многочисленные и подлинно пророческие предостережения по ряду сугубо идеологических причин не вошли в общекультурный контекст и не были должным образом отрефлексированы. По нашему убеждению, воссоединение прошлого и настоящего в единой интеллектуальной парадигме противостояния и обнаружение угроз и вызовов, привнесенных в современную жизнь новым витком информационных войн, является чрезвычайно важной задачей исследования этого феномена.

В предметном плане этос всегда имеет свою пространственную локализацию, он может относиться к нации, этносу, профессиональной или социальной группе. Таким образом, по сути дела, этос представляет собой сложносоставную композицию норм и ценностей, благодаря которым один народ отличается от другого, одна социальная группа – от другой. Несомненно действительное существование единого российского этоса от Калининграда — до Владивостока, однако в силу полиэтнического и поликонфессионального характера нашего государства, существуют этнические, региональные, профессиональные и пр. этосы, являющиеся субкультурными образованиями внутри единого российского этоса. Несмотря на достаточно широкий логический объем самого понятия этоса, с нашей точки зрения, оно предпочтительнее, предположим, понятия «нравственность» или «нравственное сознание», поскольку последние являются своего рода умозрительными абстракциями, в то время как в реальной жизни человека и общества нравственные нормы и ценности тесно связаны и переплетены с эстетически-художественными и духовными ценностями, находящимися по отношению к друг другу в состоянии взаимной детерминации.

Для того, чтобы теоретически зафиксировать понятие этоса, формирующего социокультурные, духовно-нравственные и эстетические предпочтения той или иной человеческой общности,

необходимо разработать систему критериев, позволяющих проводить различие между отдельными этосами, видеть динамику их развития, определять устойчивость их структурных элементов. В частности, в состав критериев можно отнести: отношение индивидов к собственности, труду, семейным ценностям, отечеству, войне и миру и т.д. Безусловно, эта особая система критериев должна включать в себя достаточно большое количество параметров, дабы теоретическая модель этоса имела широкие референтные основания и, таким образом, предоставляла возможность получения достоверных знаний.

После этой масштабной и многоуровневой эмпирической и теоретической аналитики понятия этоса станет возможным и осмысление этосов конкретных социальных групп, представляющих зону риска для информационных воздействий, а, следовательно, поиск эффективных способов их защиты от различных духовно-нравственных информационных атак и, преимущественно, от негативных нравственных влияний, целенаправленно или спонтанно возникающих в современных информационных потоках. Эта задача чрезвычайно сложна по своим теоретическим масштабам и предметно-сущностному «наполнению». Тем не менее без ее решения практически невозможно действенно эффективно противостоять негативным информационным влияниям, и тем более рассчитывать на успех в становящейся все более изощренной информационной войне, объектами которой становятся уже не столько интеллект, сколько нравственное сознание и воля человека.

Есть все основания полагать, что данная проблема приобретает особую остроту в контексте активизации в мире и нашей стране экстремистских проявлений во многих сферах и формах общественной жизни. В рамках данной темы необходимо теоретическое осмысление именно духовно-нравственных оснований информационной войны, которые способствуют привлечению и вовлечению в экстремистские организации и движения различного толка (националистические, сектантские, политические и пр.) отдельных граждан нашей страны, прежде всего — молодежи. Как правило, в научном сообществе, обыденном сознании и общественном мнении чаще всего вербализируется криминальная мотивация у адептов этих движений, и по существу игнорируются духовно-нравственные мотивы их поведения, не усматриваются aberrации совести и другие искажения нравственного сознания, принимающие порой весьма причудливые формы. Мы в ряде своих недавних публикаций впервые обратили на это внимание научной общественности, показав, что существуют сложные взаимосвязи

между этическим и религиозным в процессе духовно-нравственного становления личности². К сожалению, сейчас совершенно не изучается вопрос о нравственных мотивах смены религиозной веры и перехода в ислам этнических русских, которые к тому же становятся активными участниками ваххабитского подполья, организаторами и исполнителями террористических актов против своих соплеменников и сограждан. Нам представляется, что значение подобных исследований в эпоху информационных войн будет только возрастать, тем более, если они будут подкреплены соответствующими эмпирическими наработками.

Информационная война — явление отнюдь не в виртуальное, а самое что ни на есть реальное и крайне опасное для существования любого политического субъекта, на который она направлена. Это именно ВОЙНА, ведущаяся на моральное, а затем и физическое уничтожение противника. Информационные войны возникли давно, однако опасность современных информационных войн многократно увеличилась благодаря высокому уровню развитию средств связи, наличию Интернета, социальных сетей и т.д., а также глубоким антропологическим и онтологическим изменениям, которые претерпевают современные люди, живущие в условиях информационного и потребительского общества.

Во многих современных исследованиях социальных проблем сохраняется традиция прежних еще советских подходов, не изжитыми остаются стереотипы диамата и истмата, делающие акцент в основном на геополитических, экономических, политических, идеологических и демографических факторах и практически игнорирующих духовные и аксиологические мотивы деятельности людей, нравственные и эстетические аспекты крупных мировых событий, конфликтов и столкновений. Эта констатация в полной мере относится и к тематике информационных войн. Между тем, в любой теме, вокруг которой разворачиваются нешуточные информационные баталии, эти аспекты не только присутствуют в явном или неявном виде, но очень часто являются их глубинными основаниями и причинами. Чтобы не быть голословными, сошлемся в качестве примеров на ряд тем, остро дискутируемых в СМИ и информационных потоках. Во-первых, отечественные дипломаты и политики не устают обвинять наших геополитических соперников в лице США и западноевропейских стран в применении в политике двойных стандартов. Действительно, это так, но, зададимся вопросом, могут ли вести себя иначе политики

---

² Сабиров В.Ш., Соина О.С. Этика и нравственная жизнь человека. С-Пб., Дмитрий Буланин. 2010. С. 25-49, 342-349, 359-366.

и не только политики, воспитанные в традиции утилитаризма и прагматизма, прочно укоренившихся в их национальных этосах? Следовательно, нужно изучать именно эту мотивацию в поведении западных политиков и искать ей соответствующее противоядие, перестав при этом морализировать на тему двойных стандартов. Во-вторых, известно, что в США и странах ЕС развернута истеричная информационная кампания против России, которая изображается в крайне неблагоприятном виде как варварская и агрессивная страна, представляющая собой угрозу всему миру. Причем, важно отметить, такой образ России периодически воспроизводится на Западе в течении уже нескольких столетий. Конечно, здесь имеет место быть множество разнообразных факторов, обуславливающих такую реакцию на Россию, усиливающуюся в экономическом, политическом и военном отношениях. Однако практически игнорируются их духовные и нравственные причины. В свое время В. Шубарт писал в своей работе «Европа и душа Востока» о наличии у западных европейцев некоего «пра-страха» по отношению к России и русским, уходящий корнями в «Откровение Иоанна Богослова»³. Далее, в США и западноевропейских странах очень сильна кальвинистская традиция с ее идеей предопределения, согласно которой судьбы одних людей и народов изначально предназначены к спасению, а других – к гибели. Себя они, естественно, мыслят спасенными, поскольку преуспевают в этой жизни, а Россию выставляют изгоем, обреченном на гибель, ибо русские в целом живут достаточно трудно и небогато. Когда Россия переживает тяжелые времена и выглядит слабой, это воспринимается на Западе как ее естественное состояние, когда же она вдруг неожиданно поднимается и заявляет о себе как о равном геополитическом партнере, то вызывает ужас и истерику. В-третьих, не утихает информационная война относительно сексуальных меньшинств, которым на Западе в последние годы уделяется большое внимание и в каком-то смысле отдается приоритет в карьерном росте. В нашей прессе на этот счет обнаруживается в худшем случае больше морализаторства, в лучшем – указываются экономические, демографические и политические причины этого явления. С нашей точки зрения, имеются более глубокие корни нравственного оправдания и эстетизации нетрадиционных гендерных ориентаций. Можно сделать предположение о том, что в настоящее время возрождаются представления и идеи, имевшие хождение еще в средние века в виде ересей альбигойцев, катаров, павликан и богумилов, осуждавших деторождение и семейные ценности. Можно

---

³ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., Русская идея. 1997. С. 87-122.

привести множество других примеров, свидетельствующих о наличии глубоких духовных, этических и эстетических факторов тех или иных явлений, которые ускользают от внимания исследователей и по этой причине не получают адекватного осмысления и оценки. Следовательно, необходимо в изучении современных информационных войн уделять повышенное внимание именно к их духовно-религиозным и этико-эстетическим аспектам.

В своих предыдущих исследованиях, нашедших отражение в соответствующих публикациях, автор со своим соавтором⁴ пришел к выводу о том, что имеются существенные культурные различия не только в области морали и нравственности, но и в этических теориях. В этой связи вопрос об общечеловеческих ценностях приобретает более сложный характер, нежели это считалось до сих пор. Следовательно, изучая этический аспект информационных войн, необходимо иметь в виду не только чисто теоретические различия в этических учениях и доктринах, но и их социокультурные детерминации.

Далее, хотелось бы обратить внимание еще на один очень важный методологический принцип, на который необходимо опереться при исследовании обозначенной темы. С нашей точки зрения, не только объекты информационных войн подвергаются абберациям нравственного и эстетического сознания, но носителями абберационного сознания являются сами субъекты информационных воздействий. Следовательно, необходимо хорошо представлять какого рода абберации духовного, нравственного и эстетического плана имеют место в каждом конкретном случае у субъектов информационного воздействия. Самым ярким примером в этом плане может служить ситуация на Украине, где наблюдается тотальная трансформация национальной идентичности и самосознания, которая находит отражение в информационных потоках.

Слова Ф.М. Достоевского, вложенные в уста Мити Карамазова: «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»⁵ очень важны в контексте предлагаемой нами темы. Существует глубокая духовная связь красоты с добром и злом, которая до сих пор не получила достойного теоретического осмысления. Однако можно с полной определенностью утверждать, что моральная деградация, падение в духовную бездну, вовлеченность в злодеяния очень часто

---

⁴ Сабиров В.Ш., Соина О.С. Этика и нравственная жизнь человека. С-Пб., Дмитрий Буланин. 2010. С. 49-58.

⁵ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч. В 30-ти томах. Т. 14. Л., Наука. 1976. С. 100.

осуществляются через посредство эстетических прельщений, искушений и ложных идеалов. Профессиональные политтехнологи, организаторы пиар-кампаний и руководители киноиндустрии умело используют эстетические моменты для воздействия на нравственное сознание людей, в том числе и на их ложную ценностную ориентацию или моральное разложение. Для манипуляции сознанием людей порой достаточно использовать минимум выразительных средств. Достаточно, предположим, наклеить «усы Гитлера» к портрету известного политического деятеля, чтобы создать в массовом сознании его негативный имидж. Используемые украинской пропагандой понятия-образы: «ватник», «совок», «колорад», эстетически принижающие Россию и русских, имели немаловажное значение в закреплении в сознании значительной части украинских граждан русофобских стереотипов и ненависти к России.

С нашей точки зрения, теоретически ошибочной является трактовка экстремизма и терроризма как сугубо криминальных феноменов, что делает практически малоэффективной попытки их преодоления внутри нашей страны и за ее пределами. Нельзя отождествлять человека, совершающего преступления из корыстных целей, и, предположим, шахиды, в террористическом акте убивающего не только других людей, но и самого себя. Следовательно, необходимо тщательное изучение духовных, нравственных и эстетических оснований и мотивов деятельности людей, вовлеченных в экстремистские движения и организации, выявление разнообразных форм и видов аберрации их религиозного, морального и эстетического сознания.

События на Украине со всей убедительностью показали возможности информационного воздействия на население страны, в результате которого в его сознании были сформированы ложные нравственные ориентиры на основе объективации зла в виде «враждебной России и нецивилизованных русских». Если в практической деятельности наших управленческих, правоохранительных и образовательных структур не будут учитываться возможности деструктивного воздействия на нравственное сознание граждан определенных этических и эстетических идей, присутствующих в современных информационных потоках, профессиональная квалификация их источников, генезиса, глубоких внутренних смыслов, духовного значения, наконец, не будут определяться их авторы и адепты, то эффективность противодействия информационным атакам наших геополитических противников будет крайне невысокой. Опять же события на Украине красноречиво

свидетельствуют о том, чем это может закончиться. Гражданская война в России может быть катастрофой вселенского масштаба.

Несмотря на то, что в определенных интеллектуальных кругах и властных структурах осознается опасность негативного влияния на сознание наших граждан продукции массовой культуры и рекламы, поступающей в нашу страну из США и стран Западной Европы, в силу присутствия в них сомнительных эстетических идей, художественных образов, стандартов поведения и стереотипов мышления, в практическом плане делается очень мало для противодействия этим явлениям. Можно вспомнить, в частности, советский опыт просветительской работы с населением, когда перед демонстрацией зарубежных художественных фильмов, перед зрительской аудиторией с комментариями по их поводу выступали лекторы общества «Знания». Предложения некоторых современных политиков запретить или резко ограничить показ в отечественном прокате иностранных фильмов, прежде всего произведенных в Голливуде, являются невыполнимыми и ненужными. Гораздо эффективней сопровождать показ продукции Голливуда соответствующими комментариями и профессиональной оценкой их качества и идейного содержания. Необходимо учитывать ментальную особенность восприятия художественных произведений, в особенности кинопродукции, свойственную нашему народу, который в основной своей массе далеко не всегда проводит различия между художественным вымыслом и реальной действительностью, актером и персонажем. Смотря яркие, насыщенные компьютерной графикой и спецэффектами голливудские фильмы, рекламирующие американский образ жизни и ценности потребительского общества, многие наши кинозрители, в особенности молодежь, полагают, что в них изображается реальная жизнь этой страны, что далеко не всегда соответствует действительности. Вот почему нужны профессиональные комментарии и критика этой кинопродукции, а также показ коротких киносюжетов о жизни в реальной, а не воображаемой Америке, чтобы наш зритель не впадал в иллюзии и не стал жертвой искусно поданной рекламы.

Исследование этосов разных этнических и социальных групп является важной теоретической и практической задачей, от которой зависит эффективность противодействия в информационных войнах нашим геополитическим противникам. Между тем детальным изучением специфики субэтосов отдельных народов и социальных групп практически не занимались в нашей стране. Судя по всему, наши геополитические противники в информационной войне

пытаются воздействовать на разные этнические общности, населяющие нашу страну, с учетом особенностей их духовно-нравственной жизни, наличия в сознании этих народ застарелых обид и болезненных тем. В Сибирском регионе проживает множество народов, у каждого из которых свой исторический опыт, особенности исторической памяти и, конечно, свой этос. Возьмем, к примеру, горных алтайцев. В 2003 году археологи СО РАН обнаружили на одной из вершин горного Алтая древнее захоронение знатной молодой женщины, получившей название «алтайской принцессы». Несмотря на протесты местного населения, оскорбленного в своих национальных и религиозных чувствах, ученые вывезли тело, погребенной много сотен лет тому назад женщины в Новосибирск, где «изучали» ее почти десять лет. Все это время в Горном Алтае не утихали требования населения вернуть святыню на родину. Эти требования были, наконец, удовлетворены: «алтайская принцесса» была возвращена в Горный Алтай, однако, можно представить, какую глубокую душевную травму получил немногочисленный народ этого субъекта РФ. Не по этой ли причине горные алтайцы не захотели объединиться с Алтайским краем, в состав которого они входили в советское время. Между тем, мы знаем, что ряд бывших автономных округов объединились с другими субъектами РФ. Так, например, коми-пермяки несколько лет назад вошли в состав Пермского края. Наверное, это произошло не только по экономическим причинам, но и потому, что не было подобных конфликтных ситуаций на межэтнической почве. Или, к примеру, республика Тува вошла в состав России (СССР) в 1944 году. Это значит, что в исторической памяти тувинского народа нет следов революции и гражданской войны, насильственной кооперации сельского хозяйства, репрессий 1937 года, но и энтузиазма первых пятилеток, опыта культурной революции, движения добровольцев среди молодежи, рвущейся на фронты Великой Отечественной войны..., что, разумеется, не могло не отразиться на этосе этого народа. Между тем в Сибири проживают и другие народы: якуты, буряты, хакасы, горные шорцы и др. Исследование этосов этих народов — важная теоретическая и практическая задача, чрезвычайно актуальная в контексте современных информационных войн.

Крайне опасным явлением становится распространение в нашей стране салафитской (ваххабитской) версии ислама, вытесняющей в регионах Северного Кавказа и Поволжья традиционный вариант мусульманского вероисповедания. На смену миролюбивого ислама приходит его сектантская, крайне агрессивная форма, угрожающая социальной стабильности страны и целостности нашего государства.

Печальным фактом является то, что в эту версию ислама обращаются этнические русские и представители других немусульманских народов. Очень часто это переход происходит потому, что измученный обстоятельствами своей жизни тот или иной человек начинает испытывать потребность в утешении и желание вступить в лоно православной церкви. Однако очень часто его опыт посещения православного храма оказывается неудачным: вместо ожидаемого утешения он получает мелочные придирки от представителей священного сословия или притча. Разочарованный и оскорбленный в своих лучших чувствах человек вполне может быть уловлен прозелитами из других конфессий и сект. Между тем, если бы ему объяснили, что православное христианство персоналистично и метафизично (эти слова ни представители клира, ни представители притча и рядовых верующих никогда не употребляют), что в храм нужно идти прежде всего со смиренными чувствами, с сознанием своих прегрешений, которые в значительной степени и явились причиной его страданий, то тогда не было бы ни разочарований в своей вере, ни обращений в другую веру.

Таким образом, проблема исследования религиозных, этических и эстетических аспектов современных информационных войн является чрезвычайно актуальной в теоретическом и практическом планах. Ее жизненная значимость в контексте существования и развития нашего общества не должна вызывать ни сомнений, ни равнодушия.

Е.М. Боровой
г. Новосибирск

НРАВСТВЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СТРАХА

Аннотация: В статье анализируются нравственные измерения страха в ситуации, когда небытие угрожает социальному бытию человека в образе вины. Автор определяет, что в основе страха вины лежит табу-запрет. Отдельное внимание в работе уделяется сопоставлению позиций С. Кьеркегора и З. Фрейда относительно проблемы «снятия» страха вины.

Ключевые слова: страх вины, небытие, табу-запрет, грех, совесть, стыд, мужество

THE MORAL DIMENSIONS OF FEAR

E.M. Borovoy

Abstract: In the article the moral grounds of fear are analysed on the example when the nonexistence threatens to the social life of a person like guilt. The author determines that fear of guilt is based on taboo-prohibition. The special attention is given to the comparison of Kierkegaard and Freud positions in relation to the problem of "fear removal" of guilt.

Keywords: fear of guilt, nonexistence, taboo-prohibition, sin, conscience, shame, courage

Страх вины и осуждения угрожает, прежде всего, нравственному самоутверждению человека. Человек несёт ответственность за своё бытие. Человек обязан дать ответ на вопрос о том, что он из себя сделал. Тот, кто задаёт ему этот вопрос, есть его судья: этот судья есть он сам, который в то же время ему противостоит. Такая ситуация порождает страх, который в относительном смысле есть страх вины, а в абсолютном – страх отвержения себя и осуждения.

Человек по своей природе есть «конечная свобода»; свобода здесь понимается не как неопределённость, а как способность определять себя путём принятия решений в центре своего бытия. Человек как конечная свобода свободен в рамках случайностей, заданных его конечностью. И в этих рамках человек призван сделать из себя то, чем он должен стать, т. е. исполнить своё предназначение. Всяким актом нравственного самоутверждения человек способствует

исполнению своего предназначения, т. е. актуализации того, что он есть потенциально.

Но какой бы ни была нравственная норма, человек обладает способностью действовать ей вопреки, противоречить своему сущностному бытию, не исполнять своё предназначение. В условиях отчуждения человека от самого себя так и происходит. Небытие присутствует даже в том, что человек считает своими лучшими поступками, оно не даёт человеку достичь совершенства. Двусмысленное единство добра и зла свойственно всему, что человек делает, потому что оно свойственно человеческому бытию как таковому. В нравственном самоутверждении человека небытие взаимосвязано с бытием. Осознание этой двусмысленности есть чувство вины. Тот судья, кто тождественен и противостоит себе, кто путём совести оценивает всё, что мы делаем и что мы представляем собой, выносит осуждающий приговор, который мы испытываем как вину. Страх вины присутствует в каждом моменте нравственного опыта, и это может привести нас к полному отвержению себя, к переживанию того, что мы осуждены и приговорены – но это не внешнее наказание, а отчаяние по поводу утраты собственного предназначения.

Чтобы избежать такой ситуации, человек старается преобразовать страх вины в нравственное действие. Он мужественно принимает небытие в своё нравственное самоутверждение. Но в этом процессе содержатся два негативных момента. Человек может прийти к пренебрежению любыми нравственными требованиями. Или он может прийти к нравственному ригоризму и самодовольству, порождённому этим ригоризмом. Но в обоих случаях за этим скрывается страх вины, который постоянно актуализируется, порождая пограничную ситуацию нравственного отчаяния.

Сам феномен вины имеет не только этическую направленность. В частности, «вина» для М. Хайдеггера – это не этический, но принципиально онтологический феномен. В этом смысле вина – это не следствие поступка, а особая структура человеческого существования. Вина выступает здесь как способ бытия, а не как предмет нравственного суждения.

К. Ясперс в работе «Вопрос виновности» выделяет несколько видов вины. В данном случае очень значимо здесь выделение им моральной и метафизической виновности⁶. Очень длительное время вина являлась не только этическим феноменом, она определяла всё бытие человека. Вплоть до возникновения ситуации «Смерти Бога»

---

⁶ Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя 1994 №1. С. 148.

вина охватывала не только нравственную, а все сферы жизнедеятельности человека. Наиболее тотального предела состояние виновности достигло в христианской культуре.

Исходным моментом здесь является осознание человеком радикальной ущербности своей природы, выступающей следствием её повреждения в акте грехопадения, произошедшем на метаисторическом уровне (на библейском языке – в раю). В оценке этой повреждённости религиозное мировоззрение расходится с секулярным. Виновность как характеристика существования человека согласно христианскому мировоззрению возникает в результате космической катастрофы грехопадения. При изначальном сотворении мира Ничто пребывало в потенции, как его тёмная безмолвная основа. Актуализация Ничто, выход его из потенциального состояния, вторжение тёмной мироосновы в осуществлённое уже творение и есть состояние первоначальной греховности мира. Проникшая в творение мирооснова привела его к тому виду, который побеждается сейчас: своей хаотизирующей силой она превратила Космос в Хаокосмос, принесла небытийное начало в природу человека. Творение оказывается в состоянии, колеблющемся между бытием и небытием, в состоянии «метафизического греха», характеризующегося словами Писания о мире, лежащем во зле. Нарушение законов предустановленного Богом порядка вещей, «преступление», которое в греческой мифологии приписывается Прометею, а в семитской – Адаму и Еве, и привносит символы грехопадения и изгнания из рая в мифическое самосознание человечества.

Библейский миф о грехопадении имеет глубоко экзистенциально-психоаналитические основы. М. Шелер заметил: «В истории ещё не появился такой великий психоаналитик, который освободил бы человека от этого смертного ужаса, не от мифологического грехопадения и вины, а от того конститутивного чувства страха, который является эмоционально-импульсной основой этого специфически иудейско-христианского мира идей»⁷

Вполне можно согласиться с мнением Б.П. Вышеславцева, что миф о грехопадении человека имеет явно психоаналитический контекст. Согласно ап. Павлу сущность человека имеет следующую иерархическую структуру: дух, сознательная душа, подсознательная чувственная сфера («плотские помышления») и тело («плоть»)⁸. В акте грехопадения человека проявляется не конфликт между Богом и человеком, а противоречие между различными ступенями сущности

---

⁷ Цитата по Гуревич П. С. Страх – молитва души // Философские науки. М. 1992 № 2. С. 93.

⁸ Вышеславцев Б.П. Этика преображённого Эроса. М., 1994. С 43.

человека. В центре сюжета лежит борьба между сферой инстинктов и влечений, связанных с чувственно-телесным миром человека («плотские помышления») и сознательной волей. Адам сорвал яблоко с древа познания не по причине незнания («не ведает, что творит» мог бы сказать по этому поводу Сократ), а по причине именно внутреннего сущностного конфликта. В этом случае мы видим, знание не тождественно ценностям: знание вопреки Сократу не даёт добродетели. Нравственный поступок не всегда предопределяется знанием. Ап Павел выразил это в следующих словах: «не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю...желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу» (Рим 7:18).

Именно падение Адама как вселенский, сакральный акт, делало прежде всего чувственное начало в человеке греховным. Хотя вину нередко связывают с сексуальностью и чувственностью, источник этого находится не здесь. Большинство грехов, совершение которых формирует у человека страх вины, есть нарушения общечеловеческих нравственных норм. Ещё с эпохи первобытного общества подобные нарушения жёстко регулировались путём строгой системы священных норм и табу. Но возникает вопрос. Почему человек несмотря на то, что он знает, что это плохо, нарушает определённые общечеловеческие нравственные нормы?

Проблема человеческой вины есть проблема отношения сознательных и бессознательных структур личности. Именно в страхе вины и осуждения это отношение сознания к бессознательному выступает в чистом виде. Бессознательное при этом предстаёт как «ничто страха».

Важную связь страха с чувством вины отметил З. Фрейд, интересовавшийся феноменом страха в связи с анализом бессознательного. «Чувству вины присуще многое из природы страха...его можно описать как совестливый страх, а страх указывает на бессознательные источники...при чувстве вины кое-что остаётся неизвестным и бессознательным, а именно мотивы осуждения. Этому неизвестному соответствует признак страха в чувстве вины»⁹, - пишет он.

Говоря о неизвестности мотивов осуждения, З. Фрейд имеет в виду ту ситуацию, когда индивид испытывает чувство вины за преступления, которых он с обычной точки зрения, казалось бы, не совершал: например, когда он нарушил запрет, сам того не подозревая, как это было с Эдипом или с первобытным человеком, употребившим в пищу животное и только потом узнавшим, что он нарушил запрет. В

---

⁹ Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. М., 2005. С. 436-437.

современном обществе тоже нередки случаи, когда человек осознаёт вину, сам не умея сформулировать мотивов, по которым его можно было бы осудить. Здесь в чистом виде проявляется страх перед Ничто человека как нравственного существа.

В системе табу сконцентрирован страх, который ещё не распался на противоположные формы – благоговение и отвращение, а соединяет их в себе недифференцированным образом. Предмет табу – это одновременно и святое и нечистое. Эта амбивалентность святого и нечистого в нравственном аспекте есть амбивалентность доброго и злого. Сознание здесь представляет собой систему запретов по отношению к влечениям, которые тем самым подавлены и вытеснены в бессознательное.

Амбивалентность отношения человека к табу-запрету объяснима следующим образом. С одной стороны, человек даже ещё не нарушив табу-запрет может уже осознавать свою вину. Это может быть вызвано как внешними, так и внутренними причинами. Внутренние причины связаны с определённым нравственным уровнем развития личности и человек сам определяет, исходя из внутренних убеждений, какую нравственную оценку получит совершённый им поступок. Внешние причины обусловлены нормами морали, доминирующими в обществе, и регулируются, не только законодательной сферой, но и общественным мнением. Подчас, именно общественное мнение определяет, какие действия человека носят благой характер, а какие нет.

Осознание виновности тесно связано с процессом рационализации жизни и дифференциацией индивидуального сознания, которое способно выполнять две очень существенные функции: с одной стороны, предельную рационализацию поведения, исключение аффективных действий и планирование поступков, учитывающих сложные опосредованные взаимосвязи с другими людьми в сложных дифференцированных общественных системах; с другой – самодисциплину, самонадзор, упорядочивающие внутреннее Я. Отсюда способ рационализации – управление «внешней политикой» (поступками), а через сферу морали – управление «внутренней политикой» (склонностями, побуждениями и мотивами) как эффективное средство формирования контролируемого осознания виновности у человека.

Каждый из нас имеет в качестве основы прирождённую сомато-психическую конституцию, среду, оказывающую на нас влияние, индивидуальный опыт и приобретённые свойства поведения, свою жизненную историю, которые формируют характер, индивидуальные

возможности и границы своего несовершенства и односторонности. Людям свойственны несовершенство и неточность. Данное положение связано с особым положением человека в бытии и характеризуется рядом жизненных тенденций, описанных Ф. Риманом¹⁰. Две из них, связанные напрямую с формированием страха вины и осуждения рассмотрим более подробно.

Первая из них, означает, что каждый индивидуум для достижения самостоятельности и неповторимости своей личности должен отграничивать себя от остальной человеческой массы, не обмениваясь с нею своими особенностями. Страх угрожает нам, когда мы отделяем себя от других. Он возникает с момента рождения и связан с тем, что мы являемся частью общности и боимся одиночества и изоляции. На всех уровнях, будь то расовые, семейные, национальные, половые, связанные с нашими надеждами или с нашей профессией, мы принадлежим к определённым группам, ценностно себя с ними идентифицируя. К этим группам мы испытываем чувство близости и родственной принадлежности, и вместе с тем, будучи индивидуумами и единичностью, стремимся к чёткому отличию от других людей. Это приводит к тому существенному факту, что одним из основных наших желаний является стремление не смешиваться с другими людьми и однозначно идентифицироваться с самим собой.

Наше существование похоже на пирамиду, чьё основание покоится на типичном и всеобщем, а вершина стремится освободиться от связи с всеобщим и увенчаться индивидуальным и единичным. С началом и развитием нашей единичности мы выходим из системы отношений, описываемой формулой «быть таким же, как другие» и переживаем нашу единичность и индивидуальность с чувством вины. Чем больше мы отделяемся от других, тем больше мы подвергаемся воздействию неуверенности, непонимания и отвергнутости.

Вторая тенденция состоит в том, что мир, жизнь и человеческое сообщество открыты для нашего участия и требуют для этого отказа от «Я», а в противном случае являются чуждыми, существующими независимо от нас и вне нас. Эта тенденция подразумевает, как это вытекает из всего смысла изложенного, самоотречение и самоотдачу. С этим связан «страх» утраты собственного «Я», зависимый от необходимости самоотдачи и нежелания лишиться своей единичности и принести себя в жертву другим, что является необходимым для приспособления к требованиям большинства. Это, прежде всего, приводит к зависимости от нашего окружения, чувству покинутости и бессилия, которые возникают при угрозе исключения этой

---

¹⁰ Риман Ф. Основные формы страха. М., 2000. С. 20-21.

зависимости и защищённости. Риск остаться в одиночестве без связей с миром, без чувства принадлежности к находящемуся вне нас сопровождает всю нашу жизнь с момента рождения.

Мы должны жить в условиях самопроверки и самоиспытания, а также самоотдачи и самозабвения, что одновременно может вызвать страх перед задачей осуществления собственного «Я» и страх перед разрушением собственного «Я».

В контексте этой антиномии стремления «Я» человека к индивидуальному, и к коллективному можно объяснить позитивное отношение к объекту табу. Нарушение человеком табу-запрета приводит к актуализации его индивидуальной составляющей, позволяет выделиться ему из среды окружающих. Объект табу в этом случае представляет ценность, недоступную другим и вызывает скорее не чувство страха, а желание им обладать. Но одновременно с этим нарушение табу или потенциальное желание этого актуализируют страх вины, т. к. человек за данный поступок может быть подвергнут общественному или групповому осуждению. Речь идёт здесь скорее не о физическом наказании, а о ситуации изоляции и социального порицания в которой может оказаться личность.

Под сферой табу-запретов мы рассматриваем не только проявления чувственной составляющей человека, это было бы слишком узким пониманием. Уже в средневековой христианской культуре под грехом подразумевались не только чувственные желания человеческой плоти. Типичной чувственной аналогией греховности является образ «жестоковейности», то есть непокорности, негибкости. Гордость как уверенность в собственных силах, как сознание своей ценности и независимости составляет, согласно христианству, основу греха.

Объявив гордость началом греха, христианство подготовило почву для вывода, что предрасположенность человека к порочности является побочным продуктом его нравственности, отрицательным результатом утверждения человеческого в человеке. Гордость ведь является специфическим чувством, составляющим отличительную особенность людей как существ разумных и нравственных. Оно есть осознание своего собственного достоинства, а последнее представляет собой результат определённого развития нравственных отношений между людьми, становления самой личности.

Из многочисленных аспектов нравственного зла христианская концепция греховности выделила один достаточно важный. Она интерпретировала зло как извращённую, гипертрофированную форму самоутверждения человека. Злом оказалось самовозвышение и

самовозвеличивание человека. Стремление к первенству, гордыня, то, что мы называем тщеславием или погоней за высоким социальным престижем, считались особенно греховными.

Наряду с универсальными табу-запретами, не претерпевающими существенных изменений в различные исторические эпохи (в частности, это табу-запреты сконцентрированные в десяти библейских заповедях) имеются и видоизменяющиеся табу-запреты, зависящие от определённой системы ценностей, доминирующей в обществе в данный конкретный момент. Данные видоизменяющиеся табу-запреты напрямую зависят от смысло-жизненной ориентации, преобладающей в обществе. Табу-запреты средневекового общества и капиталистического имеют различное содержание, в частности, это касается и рассмотренного выше понимания как греха стремления человека к абсолютной индивидуальной самореализации себя в условиях социального бытия.

Здесь необходимо поставить вопрос: как соотносятся между собой страх и запрет? По этому поводу в истории философской мысли существуют две диаметрально противоположные позиции. Это позиции С. Кьеркегора и З. Фрейда. З. Фрейд пытается объяснить феномен табу-запрета как вытекающий из определённых эмпирически существующих причин. Он считает, что запрет полагается извне и следовательно «страх» вины и осуждения есть не предпосылка, а следствие запрета. Запрет при этом налагается извне каким-нибудь авторитетом (в качестве авторитета могут выступать либо человек, либо социальный институт, наделённый этими правами).

С. Кьеркегор же считал, что запрет есть форма самообнаружения страха, он не дан откуда-то извне, а проистекает изнутри. Если для С. Кьеркегора страх есть изначальный феномен, выражающий конечность самого человеческого существования и представляющий собой бытийную его структуру, то для З. Фрейда сама структура духовного мира как амбивалентная должна быть выведена из чего-то вне его лежащего и целиком объяснена этим последним.

Если З. Фрейд предлагал освобождение от страха вины путём освобождения от запрета, то С. Кьеркегор, напротив, искал избавление от этого в его максимальном усилении. Не надо бежать от страха вины, это приведёт к гораздо более тяжёлым и непредвиденным последствиям для человека – надо взять его на себя. Страх вины не пришёл извне, как не извне положен запрет, это «объективация» страха небытия.

С точки зрения С. Кьеркегора, чувство вины, возникающее у того, кто нарушил нравственный запрет, даже если это произошло в

состоянии неведения, – тяжёлое, мучительное чувство, но оно в то же время свидетельствует о нормальном состоянии развития нравственных структур личности. Отсутствие чувства вины за совершённые безнравственные поступки – первый симптом нравственной деформации личности. Чувство вины и ответственности даже за те поступки, которых человек сам не совершал, но которые совершаются вокруг него – это, по С. Кьеркегору, единственный путь к восстановлению нравственности личности, путь искупления амбивалентности страха вины. Не бежать от страха небытия, а взять его на себя в виде вины и ответственности – вот, по С. Кьеркегору, средство избавления от амбивалентности страха вины.

Именно мучения совести позволяют человеку восстановить нормальную жизнедеятельность нравственной сферы личности. К этому способу восстановления нравственности – через боль и страдание совести – призывал С. Кьеркегор. И напротив, облегчение совести, разоблачение нравственных запретов и желание сделать духовную и нравственную жизнь человека лёгкой и приятной приводит к тяжёлым и опасным деформациям нравственной сферы, из-за которых человек становится хуже животного, ибо превратить его в доброе и весёлое, благожелательное животное, как того хотелось некоторым филантропически настроенным благодетелям рода человеческого, невозможно.

В позициях С. Кьеркегора и З. Фрейда мы сталкиваемся с двумя абсолютно противоположными пониманиями вины и причин страха небытия, связанного с этим. Концепция вины С. Кьеркегора является глубоко онтологичной и связана прежде всего с ситуацией человеческого существования. Понимание же вины З. Фрейдом обусловлено не только внутренней антиномичностью природы человека, но и социальной составляющей формирующей табу-запреты и создающей, где это необходимо для функционирования общества, чувство вины.

Подходы С. Кьеркегора и З. Фрейда к проблеме виновности человека и его адекватного осуждения характеризуют собой амбивалентное отношение к страху вины. Человек либо принимает на себя вину, либо стремится нейтрализовать страх вины через «бегство» от него, находя различные способы оправдания себя. Главное здесь в том, как человек относится к объекту страха вины: представляет ли он для него ценность или нет.

Особенно сильно данное противоречие актуализируется в ситуации ориентации человека на принцип обладания. Объект страха вины в данном случае является, прежде всего, вещью которой

необходимо обладать несмотря на запреты, устанавливаемые обществом. Обладание подобным рядом вещей способствует самовозвышению и самовозвеличиванию человека, а также снимает запрет с чувственного начала, принося ему удовольствие.

Ряд вещей обладание которыми может привести к страху вины многообразен. Уже христианская культура, как было показано выше, выявила и классифицировала подобные вещи в зависимости от того какой вид греховности они могут актуализировать. Христианская классификация греха включает в себя, в первую очередь, два вида запретов – запрет на гипертрофированное сексуальное обладание людьми как вещами и запрет на сугубо утилитарное обладание вещами в виде их «безграничного» производства и потребления, что ведёт к доминированию материального над духовным в существовании человека и деформациям в отношениях между людьми. Причём страх человека перед запретом над обладанием такими вещами может вызывать не только осознание виновности факта их обладания, особенно если нравственная составляющая человека релятивизирована, сколько последующее осуждение. Очень часто человек боится не нарушения запрета, а возможного за это последующего наказания.

Аналогичную эволюцию от кьеркегоровского к фрейдовскому пониманию греха, вины и осуждения претерпела и христианская культура. Государство нуждалось в религии как в идеологии, отождествляющей неповиновение с грехом, церковь же нуждалась в верующих, которых государство воспитывало в духе повиновения. При этом происходит подмена сущности греха и соответственно исходящего из него состояния виновности. Грех теряет свою космическую и метафизическую основу. Он наделяется исключительно моральными и религиозными качествами и ему придаётся характер неповиновения нормам, установленным церковью и государством. Грех является актом непослушания и нуждается в наказании, облакаемом в форму не только нравственного покаяния, но и прощения исчисляемого в материальном эквиваленте. Начиная со времени кризиса католицизма, западная культура двигалась по пути преодоления страха вины и осуждения за счёт формирования логичной градации грехов и выбора соответствующей дозы покаяния.

Начиная ещё с начальной стадии становления христианства как государственной религии, церковь заняла очень важное место в актуализации мужества доверия, которое выступает не чем иным как мужеством принять себя вопреки сознанию вины. Мужество здесь есть, прежде всего, мужество принять самого себя вопреки своей

неприемлемости. Основа мужества доверия в том, чтобы принять себя, несмотря на свою неприемлимость.

Личность должна быть способна понять вину, способна судить и способна принять её вопреки приговору. Приятие тем, что не обладает качеством личности, никогда не может преодолеть личное самоотвержение. Самовосприятие невозможно, если ты не принят в межличностное отношение. Но даже если ты принят как личность, необходимо мужество принять это приятие, необходимо мужество доверия. Ведь приятие вовсе не означает, что вина отрицается.

Ведущую роль в формировании мужества доверия позитивно противостоящего страху вины и осуждения, выступает адекватная мера стыда и совести, содержащаяся как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Стыд является реакцией на виновность человека, связан с нравственной оценкой поступков, с сознательной рефлексией и моральным осуждением. Нравственное значение покаяния заключается в примирении, ибо нераскаявшийся преступник остаётся постоянной угрозой для общества, которое в случае отсутствия практики покаяния вынужденно постоянно наращивать репрессивный аппарат телесного насилия.

Чувство стыда позволяет пресекать в своей основе возможность асоциального поведения для большинства людей. Оно основано на чувстве вины перед другими людьми, на повышенной чувствительности к своей неправоте, осуждению собственной социальной пассивности. Стыд исходит как бы изнутри человека, и совесть остаётся постоянным двойником человека, осуждающим не только поступки, но и побуждения к ним. Совесть это не просто конфликт внутреннего и внешнего, а состояние сознания, характеризующееся конфликтом отношений между Я человека и системой ценностей, образующих общественный идеал. Абстрактное отношение индивидуального и внеиндивидуального переживается человеком как моральный конфликт, который базируется на потенциале телесного наказания или чувстве любви и уважения к другому. Стыд – это осуждение со стороны другого или общества, перенесённое в план самоутверждения и самоуважения: его интенсивность связана с воспринятой мерой вины.

В ходе исторического прогресса непосредственный страх перед физическим насилием уступал место страху вины и осуждению. Подобное смещение происходит с глубокой древности. В древних сообществах безотказно действовал страх-отлучения-от-сообщества. Единство личности и сообщества были тогда настолько неразрывными, что подобное отлучение-изгнание было почти

равносильно смерти.

Столь же древнее происхождение имеет и стыд. Согласно Библии, Адам и Ева узнали о стыде немедленно после вкушения плода с древа познания. Иными словами, с того момента, как стали мыслящими людьми. Эта вариация страха вины является одной из основ культуры до сих пор. Стыд направляет человека по пути самообуздания его стихийных стремлений, несоциализированного поведения в традиционном обществе. Моральное давление на индивида в семье, локальных сообществах оказывается именно с помощью стыда. Страх перед подобным чувством, его невыносимость для человека, действенность подобного рода морального принуждения чрезвычайно велики в традиционных сообществах.

Традиционные виды моральной регуляции во многом утрачивались в условиях переселения крестьян в города и формирования индустриального общества. Анонимность, безличность городских связей, резко контрастировавшие с привычной адресностью, персонализмом отношений в традиционном обществе, привели в массовых масштабах горожан-новичков к освобождению от моральной ответственности прежде всего от «страха» вины как регулятора поведения. Подобное освобождение от страха вины как регулятора поведения означало реальное ослабление выработанных традиционной культурой моральных принудителей к социально одобряемому поведению.

Особенностью этого становящегося буржуазно-индустриального общества была сильная разрушенность традиционных форм регуляции, особенно были повреждены некоторые формы стыда и сильной деформации подверглась совесть. Можно сказать, что этот период, можно считать, началом десоциализации стыда. Не стыдно стало лгать, не держать слово, не хранить верность в семейных отношениях и т. д. Соотносимостью совершаемых человеком поступков и их ценностной составляющей все более ставится в зависимость от критериев полезности, причём, в первую очередь, полезности для эгоистичной реализации Я человека, а не для общества, не для окружающих его людей.

Ведущую роль в переходе понимания человеком виновности как онтологического феномена к моральному, как указывал К. Ясперс, сыграл кризис мужества доверия в отношении авторитета, который определял меру виновности и выносил осуждение. Почтительность, вежливость, самоограничение перед лицом кого-либо или чего-либо, оцениваемого как более значительное, чем данная личность, лицо или установление, социальный институт или вещь – характеризуют

понимание вины как онтологического феномена. Таким был авторитет отца в традиционной семье, монарха в государстве, высший авторитет Бога. Определённое благоговение перед данным авторитетом было смешано с уважением, послушанием как добровольным самопринуждением личности к выполнению ею определённых действий.

Но начиная с Нового времени представление о мире как органическом иерархическом целом начало разрушаться. Человек всё более перестал ощущать свою глубинную связь с первоосновой мира, Абсолютом, перестал ощущать себя микрокосмом. Повышение чувства индивидуальности сопровождалось утратой связи со священным. Утратившее глубинную связь с бытием человеческое сознание единственной реальностью стало признавать само себя. Возникло ощущение самодостаточности. Особенно противоречиво это проявилось в ситуации «Смерти Бога». В вопросе о виновности человека стали преобладать две тенденции. Во-первых, сохраняется христианское (католическое и протестантское) понимание вины и соответствующего осуждения, постепенно теряющее религиозные основания и трансформирующееся в условиях доминирования буржуазной морали. Во-вторых, происходит тотальный отказ от признания виновности человека как изначально присущего всему человеческому роду качества, являющегося следствием первородного греха. Степень определения и соответствующего вынесения осуждения были перенесены с авторитетов на государство и его законы.

Разрушение путём возрастающего сомнения, системы религиозных запретов, исходя из которых, долгое время определялась степень вины, осуждения и прощения человека, привело к нравственному нигилизму. Новые концепции миропорядка не смогли органично заменить христианское мировидение, т. к. не вызывали абсолютного доверия. Абсолютные критерии определения виновности исчезли, осталось только осуждение, зависящее, скорее всего не от абсолютной шкалы нравственных ценностей, а от общественного мнения. Постепенно, вполне по ницшеански различие добра и зла теряет смысл, вся иерархия этических ценностей подвергается релятивизации.

В ситуации «Смерти Бога» складываются две противоположные тенденции. С одной стороны, происходит усиление страха вины, т. к. исчезают в связи с кризисом доверия к авторитетам абсолютные критерии определения виновности. Исчезает и абсолютный авторитет и абсолютная нравственная шкала ценностей способные точно

определить степень виновности. Ни законы, ни общественное мнение не способны адекватно определить степень нравственной, а не только юридической виновности человека. С другой стороны, в определённых слоях общества происходит ослабление страха вины, связанное с тем, что теперь сам человек способен устанавливать для себя нравственную шкалу ценностей. Позитивность этой шкалы ценностей может зависеть не от нравственных критериев оценки поступков, а от того, как успешно они помогают реализовываться индивидуальному потенциалу личности.

Рассмотрим ряд механизмов, с помощью которых человек стремится нейтрализовать страх вины и осуждения. Конфликты, порождающие страх вины, относятся к этической сфере. В ряде моментов человек не способен ни вытеснить вину, ни подавить её, ни мужественно противостоять ей. Тогда вина и страх осуждения, причём не только за совершённые поступки, но и за предполагаемые, заполняют всю этическую сферу человека, что приводит к глубоким внутрличностным конфликтам.

По мнению А.И. Титаренко, этическим последствием ситуации «Смерти Бога» является «раздвоение человека на две половины – подлинную, которая запрятана и унижена, и ролевою, ущербно-функциональную, которая как чуждая сила уничтожает сам смысл и самость его индивидуального существования»¹¹. Предпосылкой этой амбивалентности личности является возникновение, в условиях релятивизации категорий добра и зла, двойственности в нормах морали: наряду с «подлинными» нормами существуют и «неподлинные», уничтожающие самость существования человека и искажающие смысл его бытия. Фактически речь идёт о том, что в культурной среде одновременно действуют некоторые формальные, декларируемые нормы морального должностования и реально практикуемые стандарты поведения, которым вынужден следовать индивид. В такой ситуации любая виновность человека может быть оправдана адекватной степенью его материального состояния и социального положения. Виновность человека определяется здесь в рамках правового определения вины и вынесения соответствующего наказания, а не в пределах сформировавшегося угрызения совести и стыда за совершённый поступок. Такая установка на подавление любых проявлений осознания своей виновности более всего присуща представителям тех обществ или социальных групп, где на первое место ставится удовлетворение сугубо индивидуальных, а не общественных интересов.

---

¹¹ Титаренко А.И. Антиидеи. М., 1984. С. 62-63.

Иная ситуация наблюдается при попытках избегания страха вины и осуждения. В этом случае человек стремится переложить всю ответственность за негативные последствия совершённых поступков на определённых людей или социальные институты. Здесь доминирует установка, что виновата во всём социальная среда, а не он сам. Человек сознательно выбирает социальную позицию конформиста, перекладывая преднамеренно последствия за результаты своей жизнедеятельности на других. Мнимая нейтрализация страха вины покупается за счёт отказа от личного Я, от своей индивидуальности. Это ситуация растворения индивидуального в общественном.

А.В. Лебедев
г. Новосибирск

ОДУШЕВЛЕНИЕ ДЕНЕГ В ПРОТЕСТАНТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: В статье сделана попытка изучить возможность тождественности денег и капитала в рамках протестантской традиции. Показан феномен одушевления денег, выражающийся в описании их в рамках протестантской традиции, в качестве живых существ, которым свойственно рождение, протяженность во времени, воспроизводство и умирание.

Ключевые слова: Деньги, капитал, имущество, прибыль, одушевление, бытие, смерть, протестантизм.

ANIMATION OF MONEY IN PROTESTANT TRADITION

A.V. Lebedev

Abstract: The article covers the attempt to study the possibility of money and capital identity within Protestant tradition. The phenomenon of money animation is shown, which is expressed in their description within Protestant tradition as living beings having the birth, extent in time, reproduction and death.

Keywords: Money, capital, property, profit, animation, existence, death, Protestantism.

Европейскую традицию отношения к деньгам, с подачи классика социологии Макса Вебера, принято связывать, в первую очередь, с этикой протестантизма. Мы в своей статье сделаем попытку доказать, что деньги в этой традиции воспринимаются в первую очередь как капитал. Или, выскажемся более категорично, говоря «деньги», представитель этой традиции всегда имеет в виду в первую очередь «капитал». И относится он к этому капиталу как к чему-то одушевленному.

Под капиталом, обычно, в самом широком смысле понимается все то, что используется для получения прибыли. Или, как пишет Томас Пикетти, «капитал включает в себя всю совокупность недвижимого капитала финансового и профессионального капитала»¹². Таким образом, накопленные деньги, сами по себе, капиталом не являются, но становятся таковыми только когда начинают приносить прибыль.

Европейская, «протестантская», традиция восприятия денег,

---

¹²

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинен Пресс. С. 61.

весьма искажена, в России. Воспринимаются только внешние признаки и деньги ценятся сами по себе, без непреложной необходимости пускать их в дело. Иными словами, в русской традиции, стремятся получить как можно больше денег, но часто просто не знают, как их применить.

Например, Федор Михайлович Достоевский, вкладывает в уста своего героя рассуждение, что «будь я богат, как Ротшильд, кто будет справляться с лицом моим, и не тысячи ли женщин, только свистни, налетят ко мне со своими красотами?..» и будь он Ротшильдом, будет ли что-то значить любой ум¹³. Деньги здесь играют роль сакрального фетиша, получив который, якобы можно сразу стать успешным. При этом они рассматриваются как нечто постоянное, своеобразная «вещь-в-себе», простое обладание которой уже преобразует человека.

Поведение, подобное описываемому, в принципе неприемлемо для европейца. Томас Манн, в Признаниях авантюриста Феликса Круля, «заставляет» своего героя, как только у него появился капитал¹⁴(sic!) постараться «недолго носить его в карманах и, оставив себе сотни две или три франков на мелкие расходы, в первую же свободную минуту» снести свои деньги в «Лионский кредит», где ему открывают текущий счет¹⁵.

В первую же свободную минуту!

Вторит ему и классик экономики Адам Смит: «Товары купца не приносят ему дохода или прибыли, пока он не продаст их за деньги, а деньги дадут ему мало пользы, пока они в свою очередь не будут выменены на товары. Его капитал постоянно уходит от него в одной форме и возвращается к нему в другой, и только путем такого обращения или последовательных обменов он может приносить ему какую бы то ни было прибыль»¹⁶. Постоянное движение постоянный оборот, вот для чего нужны деньги в первую очередь! И «не должно препятствовать деньгам обращаться в капитал»¹⁷.

Безусловно, в протестантизме, деньги «сами по себе», конечно же, тоже ценятся, но только в определенное время и в определенном месте и в качестве точного мерил действительной меновой стоимости всех товаров¹⁸.

При этом, в качестве «денег-капитала» могут воспринимать не

---

¹³ Достоевский Ф.М. Подросток// Библиотека Мошкова [Электронный ресурс]. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0090.shtml

¹⁴ Sic! Не деньги, но капитал! При этом деньги составляющие капитал посчитаны до франка.

¹⁵ Манн Т. Признания авантюриста Феликса Круля// Библиотека Мошкова [Электронный ресурс]: <http://lib.ru/INPROZ/MANN/krull.txt>

¹⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах Богатства народов// Электронная библиотека [Электронный ресурс]. <http://e-libra.ru/read/179321-issledovanie-o-prirode-i-prichinax-bogatstva-narodov.html>

¹⁷ Зомбарт В. Буржуа. М., Наука. С. 246

¹⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах Богатства народов. М., Эксмо. 2007.

только собственно наличность, но и то, из чего наличность можно извлечь. А Пикетти, так и прямо предлагает в работе «Капитал в XXI веке», «капитал» и «имущество» использовать как взаимозаменяемые термины, как полные синонимы¹⁹.

«Деньги-капитал», в протестантской традиции одушевляются. Они могут рождаться, жить и размножаться, принося доход. Наконец, они способны умирать и возрождаться вновь. Земля, золото, ценные бумаги, патенты на интеллектуальную собственность и даже само время, все это, в первую очередь – «деньги-капитал».

Макс Вебер, говоря о человеке, мыслящем в категориях протестантской этики, пишет о приумножении капитала как о его долге и самоцели²⁰. «Размножение» «денег-капитала» происходит не само по себе, оно прямо зависит от отношения к ним своего владельца. В качестве классического и, пожалуй, наиболее часто используемого примера, здесь послужит наставление Бенджамина Франклина: «Запомните, что деньги по природе своей плодородны и способны породить новые деньги. Деньги могут родить новые деньги, а их потомки породить еще больше и так далее»²¹.

О подобном «рождении» и воспроизводстве денег, пишет Зомбарт: «В эти конторы вкладывал свои деньги частный человек, чтобы извлечь доход... Вложение денег в торговый промысел было обычным и вполне легальным путем извлечения плодов из капитала» (читай, из денежного имущества)²².

И у Эмиля Золя герой произведения, ведется поиск не денег, но капитала: «Я разработал и новый способ добычи, который принес бы значительную экономию. Все готово, дело только в том, чтобы найти капитал»²³.

Деньги коррелируют с категорией времени, у них есть определенное бытие, срок жизни. Ибо «запомните, что время – деньги»²⁴. Они живы пока они в деле, пока они приносят прибыль, пока они являются «деньгами-капиталом». Как только они становятся просто деньгами, не вовлеченными в этот процесс, они умирают. «Иными словами, – пишет Бенджамин Франклин – не тратьте впустую ни время, ни деньги, но постарайтесь извлечь выгоду и из того, и из другого»²⁵.

Возможная «смерть» «денег-капитала», по словам того же

¹⁹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. С. 61.

²⁰ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс. 1990.

²¹ Франклин Б. Время - деньги! М., Аст. 2014.

²² Зомбарт В. Буржуа. С. 72

²³ Золя Э. Деньги // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс]. <http://lib.ru/INPROZ/ZOLYA/money.txt>

²⁴ Франклин Б. Время - деньги!

²⁵ Франклин Б. Время - деньги!

Франклина происходит из-за действий, а вернее бездействия своего владельца: «Тот, кто убивает племенную свинью, уничтожает все ее потомство до тысячного поколения. Тот, кто бездумно потратил крону, лишается всего, что она могла произвести: сотен и тысяч фунтов»²⁶.

Владелец, не теряет, не упускает возможную выгоду, а именно убивает деньги! Такой акцент тем более важен, что Бенджамин Франклин не одинок в своей оценке. Вебер также отмечал, что небрежное отношение с деньгами, представляется для человека протестантской традиции подобным «умерщвлению» эмбрионов капитала»²⁷. Подобное отношение находит и Фернан Бродель в докладе француза, путешествующего по Мальте в первой трети XVIII века: «Тот же самый добродетельный информатор возмущается тем, что в домах мальтийцев увеличивалось тогда число золотых и серебряных вещей — «бесполезный и мертвый» капитал;»²⁸

Наконец, в категориях жизни и смерти, описывает ситуацию, когда имущество не пущено в дело Эмиль Золя: «Можно умереть с миллионом, вложенным в землю, - и жить с четвертой частью этого капитала, поместив его в выгодные предприятия, приносящие пятнадцать, двадцать и даже тридцать процентов»²⁹. И, уже в другом месте, вновь: «Облигации? Ни в коем случае! На что мне облигации? Ведь это мертвый капитал»³⁰.

Итак, мы видим что деньги, подобно живому существу, рождаются, живут и умирают, но все это только при условии, что они воспринимаются как «деньги-капитал». Как то, что способно давать прибыль. «Деньги», для европейца, всегда неразрывно связаны с «капиталом» и говоря одно, всегда подразумевается другое.

Особенно интересной на этом фоне выглядит антиномия, когда русский демонстрирует обладание деньгами, а европеец, наличие у него денег как таковых, не акцентирует. Особенно, если денег у него много.

---

²⁶ Франклин Б. Время - деньги!

²⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма.

²⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Том 2. Игры обмена. М., Прогресс. С. 56.

²⁹ Золя Э. Деньги // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс]. <http://lib.ru/INPROZ/ZOLYA/money.txt>

³⁰ Золя Э. Деньги // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс]. <http://lib.ru/INPROZ/ZOLYA/money.txt>

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

О.С. Соина
г. Новосибирск

**РУССКИЙ МИР КАК ЕГО ПРЕДСТАВЛЯЛ
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ**

Аннотация: В статье рассмотрены религиозно-философские идеи Ф.М. Достоевского, высказанные им в художественных произведениях, публицистике, дневниках, рабочих тетрадях, письмах. Широкий спектр проблем философии культуры и истории, этики и философии права, философской антропологии, философии религии и богословия представлены великим писателем и мыслителем как плод его размышлений о судьбе России и русского народа, составляющими огромный мир событий, проблем, испытаний, взлетов и падений, мыслей и чувств, высоких идеалов и страстей, откровений и заблуждений, радостей и страданий, скорбей и надежд. Русский мир Ф.М. Достоевского есть открытое пространство для диалога всех людей и народов на темы, которые касаются всех, живущих на земле.

Ключевые слова: русский мир, всечеловечность, этническая общность, геополитическая данность, русскость, уживчивость и эмпатия.

**RUSSIAN WORLD AS IT WAS REPRESENTED by F. M.
DOSTOEVSKY**
O.S. Soina

Abstract: The article covers the religious-philosophical ideas of F. M. Dostoevsky, expressed in works of art, journalism, diaries, workbooks, letters. A wide range of problems of culture and history philosophy, ethics and philosophy of law, philosophical anthropology, philosophy of religion and theology are presented by a great writer and thinker as the conclusion about the fate of Russia and the Russian people, constituting the vast scope of events, problems, challenges, highs and lows, thoughts and feelings, high ideals, and passions, revelations and delusions, joys and sufferings, sorrows and hopes. Russian world of Dostoevsky here is an open space for dialogue between all the people and peoples on the topics that affect all who live on Earth.

Key words: Russian world, all embracing humanity, ethnic community, geopolitical reality, Russianness, easy disposition and empathy.

Применимо ли сравнительно недавно появившееся в нашем

социально-политическом обиходе словосочетание «русский мир» к чрезвычайно сложной в духовном, идейно-концептуальном и мировоззренческом плане поэтике Ф.М. Достоевского, да и вообще — ко всему его художественному и философско-публицистическому наследию? Насколько оно отражает удивительно многомерную и никогда не поддающуюся однозначному идеологическому «выпрямлению» динамику его умонастроений, всегда внутренне парадоксальную, но тем не менее удивительно целостную и единую именно по отношению к тому, что наряду с самыми сокровенными его религиозными исканиями было одной из величайших тем его творчества, - а именно — к пониманию России и русскости как фундаментальных социокультурных проблем общеевропейского значения, а, может быть, и всего человечества в целом?

Чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к осмыслению этих вопросов, попытаемся на свой страх и риск определить с самим понятием «русский мир» и затем соотнести его с художественной и философско-религиозной вселенной Ф.М. Достоевского. Внезапно появившееся в ряде публицистических работ недавнего периода и сразу ставшее предметом острейшей социально-политической полемики, оно, на наш взгляд, обладает чрезвычайно широким полем семантического притяжения, и в этом смысле (то есть в качестве претензий «объять необъятное») удивительно близко мирозерцанию великого русского писателя, где все концы и начала сходятся, а «...противоречия вместе живут». При этом, дабы хоть сколько-нибудь определить в существе дела, нам, по-видимому, следует в некотором роде идти от «противного», т. е. определения того, чем «русский мир» не может быть ни при каких обстоятельствах и несмотря ни на какие социально-политические его aberrации.

Так, во-первых, «русский мир» ни в коей мере не означает собой жестко фиксированную этническую общность, некий союз «крови и почвы», ибо во «всеедином» своем многообразии охватывает все этносы и народности, населяющие Россию, объединяемые не узко этническими спецификациями (привычками, бытом, устоями и особенностями существования и хозяйства), но преимущественно и в основном — *родством по духу*, т. е. трудноуловимой эмпирически, но всегда абсолютно реальной способностью строить и понимать жизнь в едином мировоззренческом ключе, особенно вынятном в фундаментальных духовно-нравственных предпочтениях: вере, любви, борьбе, способности переносить страдания и скорби, актах самопожертвования и деятельного милосердия, не отменяющих, Впрочем, и некоторых негативных проявлений, зачастую коробящих

цивилизационные представления отдельных геополитических соседей.

Во-вторых, «русский мир» ни в коей мере не есть некая твердо определенная геополитическая данность, уже хотя бы в силу того, что сугубо территориальные границы «большой России» неоднократно менялись в течение трех предыдущих столетий, и потому считать их окончательно устоявшимися именно сейчас, как, некогда говорил Л.Н. Толстой, «... у нас сейчас все переверотилось и только укладывается», нет решительно никаких оснований. Более того, разве не относятся к «русскому миру» многие величайшие представители национальной культуры, волею судеб оказавшиеся за пределами России, и в начале XX века и в конце его, но сумевшие сохранить удивительную верность национальному мироощущению в тягчайших жизненных испытаниях?! И наконец, разве не разделяют с нами многие духовные откровения «русского мира» представители совсем других народов и стран, о чем будет сказано в этой книге? Словом, явно не укладываясь в жестко фиксированные политические границы и номинации, «русский мир» несомненно представляет собой некую сложную экстерриториальную общность, то расширяющуюся, то сужающуюся согласно не вполне постижимым рационально «зигзагам истории» (Л.Н. Гумилев), но всегда внутренне единую и в фундаментальных основаниях мировоззрения, и в писаных и неписаных формах и принципах политического и гражданского мироустройства, и, наконец, во внутреннем духовно-нравственном и душевно-психологическом устройении человека, никоим образом не сводимом к архаизированным привычкам быта или сугубо «народным» («этнографическим») приемам жизни и творчества.

Именно поэтому «русский мир», в особенности в художественном творчестве и философско-публицистических воззрениях больших русских мыслителей никоим образом не может быть сведен к чему-либо узко-этнографическому, например, скрупулезному описанию форм народного быта (от балалайки и комаринского — до сарафана и армяка включительно) или же некоему идеализированному воспроизведению духовного склада или мировоззрения русского мужика — будь-то Хорь и Калиныч И. Тургенева или Платон Каратаев Л. Толстого. И если Хорь и Калиныч могли как-то существовать в действительности (да и то с известной степенью идеализации), то, что касается Платонов Каратаевых и им подобных, как с глубоким и вполне оправданным временем сарказмом некогда отмечал И. Солоневич, «Платонов Каратаевых, как исторического явления в России не существовало: было бы

нелепостью утверждение, что на базе непротивления злу можно создать Империю на территории двадцати двух миллионов квадратных верст»³¹.

Словом, «русский мир», как и сама Россия явно представляет собой нечто чрезвычайно многообразное, всеобъемлюще-разностороннее, но при этом удивительно целостное и единое в своих фундаментальных духовных и жизненных проявлениях, и эта *монолитность в чем-то текучем до необъятности* действительно не могла не стать предметом живейшего творческого интереса великих национальных гениев слова и мысли, одним из которых несомненно являлся Ф.М. Достоевский. Есть некоторые основания полагать, что он вполне бы согласился с парадоксальным и восхитительно ироничным суждением одного из героев почти конгениального ему по степени дарования и духовной пронизательности М.А. Булгакова — генерала Черноты, витийствующего перед парижскими клошарами: «Россия не вмещается в шляпу, господи нищие!» Как это ни парадоксально, но этот вечно пьяный генерал, то ли герой, то ли сутенер, то ли вечный игрок, то ли постоянный скиталец по городам и весям России и зарубежья, удивительно близкий по мироощущению самым «беспорядочным» русским персонажам Достоевского — от генерала Иволгина — до Мити Карамазова, почти пророчески предугадывает роковую «невместимость» «русского мира» в жестко клишированные формы западноевропейского существования, постепенно ветшающие и обничаживающиеся в силу какой-то неумолимой «антилогики» бытия и именно поэтому жестко и неумолимо противопоставляющие себя любым формам «русскости», где бы они не встречались и в каком бы виде себя не проявляли.

Но где же нашел Ф.М. Достоевский свой «русский мир»? Какими качествами его восхитился и о каких скорбел и переживал, и почему, наконец, именно в нем он увидел некую духовную и социально-гражданскую альтернативу западноевропейской цивилизации?

Как ни фантастично это может показаться многим современным читателям и комментаторам Достоевского, но свой «русский мир» он нашел, увидел и полюбил, а полюбив, понял и принял его всей душой именно ... на каторге, среди преступников, то есть отбросов и отщепенцев русского народа, среди которых оказались самые разные социальные типы: и отпетые негодяи, чудовищные по характеру своих злодеяний и в духовном, и в моральном смысле; и слишком пылкие и

---

³¹ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 31.

страстные русские люди, попавшие волею судьбы, как Митя Карамазов, в неблагоприятные обстоятельства жизни, и носители огромного, почти беспредельного русского своеволия, которого не могли укротить даже самые нечеловеческие испытания, и знаменитые русские «безобразники», совершавшие преступления либо по пьянству, бесхарактерности или дурному влиянию, и, наконец, инородцы из кавказских горцев, замешенных в антиправительственных действиях и даже некоторые представители древнего народа (еврей Исая Фомич), уличенные в финансовых махинациях.

Строго говоря, ужиться с этим разношерстным и малопривлекательным народом такому рафинированному и утонченному интеллигенту, каким был молодой Достоевский, не было решительно никакой возможности, если бы ни одно примечательное обстоятельство: именно в этой уникальной среде он парадоксальным образом восчувствовал свою «русскость» и, есть все основания полагать, что в какой-то мере благодаря этому с таким трудом обретенному качеству сумел остаться «своим», выжить, да еще и прирасти духовно в этой истинно уникальной атмосфере.

Надо сказать, что все эти обретенные им русские качества, свойства, черты, характеристики «русского мира» Достоевский чрезвычайно ценил, боролся за них всеми силами души, пера и слова, и защищал их до последнего дня и часа своей жизни; и не ошибемся, если добавим: что продолжает он отстаивать их и сейчас, в равной мере и из могилы, и из своего умопостигаемого небесного отечества — Святой Руси, где по-прежнему, как и много веков назад совершаются моления за Россию, и откуда к нам, живущим сейчас скорбно и трудно, нисходят и мысль, и надежда, и помощь, и поддержка, и утешение.

Но какие же качества «русскости» вынес Достоевский из каторги, и как он их воплотил в своем глубоко парадоксальном, но тем не менее чрезвычайно достоверном и духовно, и эмпирически понимании «русского мира»?

Так, во-первых, без ложной брезгливости и напускного сострадания, он уяснил для себя, что русский, даже переживающий крайнюю степень морального и социального падения, есть *глубоко религиозный тип*, и потому сознание своей падшести никогда не оставляет его ни в минуты относительного благополучия, ни уж тем более — в местах «не столь отдаленных» - в тюрьме и на каторге. Это, очень русское понимание того, что от «сумы и от тюрьмы не зарекайся» впервые предстало перед ним во всей многомерности его духовных смыслов, предуготовляющих человека к тому, что и грех, и

уж тем более преступление есть отнюдь не конец жизненного пути человека, но всего лишь роковое «несчастье», которое можно изжить и пережить вовремя обратившись к Богу, не отвергающего никого и ничего и уж тем более — души кающегося преступника. Более того, именно в остроге он постиг, что чисто юридическая персоналистичность преступника для русского не значит ничего или значит очень мало, ибо «единичность» узко-правового вменения означает разрыв духовной целостности человечества, целостного и единого и в грехе, и в благодати. И это поразительное в своей неожиданности открытие, что в любом русском, какие бы испытания он не переживал, продолжает, вопреки всему, жить вера в Христа-Спасителя, сподвигло писателя впоследствии на парадоксальнейшее умозаключение: «Русский народ — богоносец», по существу означающее отнюдь не иступленную религиозность русского национального самосознания, и уж тем более — не обрядоверие, но всегдашнюю готовность жертвенно и самозабвенно идти страдальческим путем Христа, принимая Его, не отрекаясь от Него и пытаясь наполнить мучительной сладостью этого переживания все земное бытие человека.

Во-вторых же, именно на каторге Достоевский постиг удивительную способность «русского мира» к аккумуляции, живому впитыванию самых различных впечатлений жизни, разнообразных идей и отголосков действительности, то перекликающихся, то спорящих, то дополняющих друг друга, но вместе с тем способных «уживаться» в нечто удивительно целостное и гармоничное, где воистину «все берега сходятся и все противоречия вместе живут». Поэтому в подлинном, а не иллюзорном (т. е. придуманном отвлеченным и узко-идейным сознанием отечественного интеллигента) «русском мире» нет ни сословной, ни ожесточенно-политической, ни уж тем более интеллектуальной вражды. Здесь воистину все понимают и приемлют друг друга, странно объединенные непостижимой, почти иррациональной любовью к России и готовностью жить ради нее и вместе с нею, подобно тому как интеллигент Достоевский жил с русскими разбойниками и оступившимися мужиками, не презирая их, но скорбно и терпеливо осуществляя общее дело жизни. Именно вследствие этой, истинно уникальной способности все понимать, все разделять, всем увлекаться и, наконец, в итоге всему находить и время, и место, подлинный «русский мир» в непостижимой духовной своей глубине есть парадоксальнейшее «всепримирение идей», к которому вопреки всем разделяющим и обособливающим тенденциям времени всегда

стремились и будут стремиться наиболее одаренные именно в национально устроительном смысле политики, полководцы, деятели культуры, писатели, ученые, словом все те, на которых так или иначе «опочило» духовное делание Ф.М. Достоевского.

И, наконец, в-третьих, «русский мир» Ф.М. Достоевского, увиденный, восчувствованный и впервые по-настоящему понятый им в местах «не столь отдаленных», а затем воссоединенный со всем необъятным пространством русской жизни, в действительности заключал в себе еще одно удивительное качество, названное им впоследствии, в Пушкинской речи, как «всечеловечность». Будучи чрезвычайно многослойным как идейно, так и семантически, весьма неоднозначно встреченное многими философами, публицистами и общественными деятелями, оно, на наш взгляд, если не углубляться детально в разного рода интеллектуальные рефлексии, таит в себе чрезвычайно простое и вместе с тем глубоко уникальное свойство свойство русского национального типа, в полной мере проявляющее себя в формирующейся сейчас идеологеме «русского мира» и ее крайне простых эмпирических «наполнениях».

Так, по существу, «всечеловечность» русских, пусть даже пребывающих в крайних формах социального унижения, это не только крайне редко встречающийся у глубоко одаренного народа дар творческой эмпатии, способности впитывать в себя и воспринимать как свое и вполне «родное» решительно все коллизии и драматизмы бытия практически всех стран и народов (вот отчего никогда не бывший в Европе Пушкин сумел проявить себя как безукоризненнейший европеец, в особенности в зрелом периоде своего творчества), но преимущественно и в основном — истинно духовное умение не различать чужое и свое как нечто абсолютное и непререкаемое и потому не имеющее в действительной жизни решительно никаких «точек соприкосновения». Поэтому истинный носитель «русского мира» (во всяком случае, по Достоевскому) всечеловечен той щедрой и благородной полнотой участия и переживания, которая во многих бытовых случаях переходит в радостную готовность помочь (почему не помочь, если я могу и в силах!?), а в сфере духовно-нравственных отношений отдать и поделиться своим с «чужими», воспринимая этих «чужих» уже не просто как «своих», но как братьев «по Христову Евангельскому закону». Будучи весьма сложным даром и зачастую весьма обременительным в сугубо эмпирическом плане, эта «всечеловечность» русских в действительности оборачивалась великим даром построения уникальной исторической общности, т. е.

опять же «русского мира» не на бумаге, а в жизни, неуклонно отстраивающего себя и в геополитическом пространстве, и на земле, в русском воздухе и «почве» и в необъятномместилище русской мысли — идей, образов, смыслов, контекстов и восприятий, которое также оставил нам в наследие Ф.М. Достоевский.

В.Г. Попов

г. Новосибирск

АНТИНОМИЧНАЯ СУЩНОСТЬ ИГРЫ

Аннотация: В статье высказывается мысль о сложности понятия игровой деятельности, которая связана с наличием глубоких противоречий, присущих игре. Игра представляет собой структуру, сочетающую в себе одновременно рациональное и иррациональное, реальное и ирреальное. Автор предпринимает попытку обозначить целостность игровой деятельности через раскрытие основных антиномий, заложенных в самое сущность игры: свобода и ограниченность, хаос и порядок, случайность и закономерность и т.д.

Ключевые слова: Игра, антиномия, свобода, ограниченность, хаос, порядок, рациональное, иррациональное, веселость, серьезность.

ANTINOMIC ESSENCE OF PLAYING

V.G. Popov

Abstract: The article covers the idea of the complexity of play activity concept, which is associated with the presence of serious contradictions within the playing. A play activity is a structure that combines both the rational and the irrational ideas, the real and the unreal ones. The author attempts to indicate the integrity of play activity through a summary of the antinomies inherent in the very essence of the game: the liberty and narrow-mindedness, chaos and order, chance and regularity, etc.

Key words: Play, games, antinomy, liberty, narrow-mindedness, chaos, order, rational, irrational, gaiety, seriousness.

*Игра обладает своей собственной сущностью,
не зависимой от сознания тех, кто играет.*

Х.-Г. Гадамер

XX век явил небывалый всплеск исследовательского интереса к проблеме игровой деятельности. Определяемая прежде лишь как частный феномен, рассматриваемый, в основном, в практическом (игра как развлечение, как способ упражнения и воспитания) и в эстетическом (искусство как игра) аспектах, игра стала рассматриваться как феномен тотальный, обволакивающий всю человеческую деятельность. Интернет, компьютерные игры, игровые

автоматы, развлекательные передачи по телевидению и радио, акции с розыгрышами, лотереи, космических масштабов (в т.ч. и в денежном отношении) спортивные состязания, олимпиады и т.д. – это лишь наиболее ярко бросающиеся в глаза явления, указывающие, с одной стороны, усиление игровой активности человека, с другой – существенный рост уровня жизни общества. Впрочем, одно неотделимо от другого, но утверждать, что именно из улучшения жизни общества вообще происходит игра, мы не берёмся. Заметим, что игра находит своё проявление не только в «развлечениях». Мы наблюдаем сегодня игры психологические, когда человек исполняет ту или иную роль в общении; игры экономические, проходящие на бирже и в кабинетах и определяющие курсы валют; игры политические, которые задействуют и «тотальное общение» через СМИ и как бы расставляет шашки на мировой доске. Искусство постмодернизма само по себе построено по принципу игры, когда цель и ценность художественного творения полагается в самом творении, а не в его причастности к объективной реальности – с одной стороны; с другой – постмодернизм усиливает роль знаков и символов и, как следствие, являет некую возвышенную игру, своего рода «игру в бисер», блистательно угаданную Германом Гессе. Но и это ещё не всё: и сама культура в целом определяется по игровому принципу; игра предстает как надкультурный феномен, как универсалия культуры.

Между тем, при рассмотрении различных концепций игры порой возникает ощущение, что мы имеем дело с абсолютно разными понятиями, почему-то обозначаемых одним словом «игра». В недавнем исследовании, посвященном игровой природе мифа, автор справедливо отмечает, что при попытке дать однозначную дефиницию игры возникают определенные трудности, связанные с тем, что «игра слабо поддаётся рационализации, а при её описании используются взаимоисключающие понятия... Игра... более других феноменов человеческого бытия выражает дух становления, изменчивости и неизменности, двусмысленность, включающую в себя амбивалентность, бинарность, диалогичность»³². В самом деле, сущность игры представляется глубоко антиномичной, вобравшей в себя существенные противоречия, которые, с одной стороны, усложняют исследование игровой деятельности, с другой – дают широкий простор в исследовании различных, вполне конкретных её аспектов. Таким, образом, в усилении игровой активности человека и, как следствие, возросшего исследовательского интереса к игре и

---

³² Яковлева Е.Л. Игровая природа мифа как семиотического образования : Автореф. дисс. канд. филос. наук. Казань, 2011. С. 17.

заключается основная актуальность настоящей работы. Объектом исследования является игровая деятельность, предметом исследования – антиномичная сущность игры. Целью настоящего исследования является поиск целостности игровой деятельности через раскрытие основных антиномий, заложенных в самую сущность игры.

По указанным выше причинам нам представляется важным указать, от какой концепции игры мы будем отталкиваться. Мы будем исходить из определения, данного Й. Хейзингой в работе «*Homo ludens*», и вообще из признаков игры, с которыми, вслед за голландским исследователем, согласно большинство исследователей. Итак, согласно Й. Хейзинге, «игра есть добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но, безусловно, обязательным правилам, с целью, заключающейся в самом этом занятии; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением *инобытия* в сравнении с *обыденной жизнью*»³³. Данное определение наиболее точно связывает ключевые признаки, отличающие игровую деятельность, но всё же для нас важно обозначить эти признаки теперь более конкретно. Можно заключить, что игровая деятельность предстает как деятельность:

- 1) свободная, добровольная;
- 2) обособленная, ограниченная пространством и временем;
- 3) упорядоченная, регулярная;
- 4) ненаправленная;
- 5) имеющая цель;
- 6) с неопределенным исходом;
- 7) внеутилитарная, непроизводительная;
- 8) повторяющаяся;
- 9) инобытийная, фиктивная.

Уже при первом взгляде может показаться, что ряд признаков здесь являются взаимоисключающими. Но стоит, однако, действительно исключить отсюда любой из названных признаков – и игра перестает быть игрой: она либо заканчивается удалением нарушителя, либо завершается совсем, либо искажается и проявляется уже вовсе не как «развлечение», лишается присущей ей легкости, так что к такой деятельности обычно уже сложно применить слово «играючи». Впрочем, рассмотрение явления, названное французским мыслителем Р. Кайуа «искажением игр»³⁴, не входит в основные

---

³³ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. Человек играющий. СПб., 2011. С. 58-59.

³⁴ Кайуа Р. Игры и люди. Маска и головокружение // Р. Кайуа. Игры и люди; статьи и эссе по

задачи нашего исследования. И всё же ещё раз подчеркнем, что признаки игровой деятельности в известном отношении вступают друг с другом в противоречие. Поэтому обыкновенно исследуются лишь отдельные аспекты игровой деятельности, затрагивающие лишь интересующие в данном контексте признаки игры. Нередко это приводит к тому, что исследователь, останавливаясь на одном отдельно взятом признаке игры, забывает о других её признаках и развивает в таком случае уже не саму игру, а её искажение. К примеру, рассматривая цель игры, нередко забывают о том, что игра является обособленной, ограниченной, фиктивной, и полагают цель лежащей за пределами игры; и тогда зарплата и премии футболиста подменяют непосредственную цель игры в футбол – выиграть матч, забив противоположной команде больше голов, чем пропустив самим; выигрыш ставки в «игре на интерес» подменяет выигрыш шахматной или карточной партии и т.д. Безусловно, от этого исследования не становятся менее ценными – затрудняется лишь процесс рационального объединения всех этих аспектов. Не будем более останавливаться на этом и возвратимся непосредственно к признакам игры. Итак, в самом определении игры заложены противоречия. Сущность игры раскрывается через внутренние антиномии. И при более пристальном рассмотрении становится возможным указать не только то, как одни категории вступают в противоречие с другими, но и как одни категории раскрывают, дополняют другие, как одни антиномии вытекают из других. Таким образом, игра антиномична и диалектична.

Свобода и ограниченность – это ключевая антиномия, заложенная в самое основание игры. Игра это всегда свободная деятельность, без свободы игра становится невозможной. Свобода понимается здесь, прежде всего, как возможность добровольного вступления игрока в игру и свободного же его участия в ней: принудительное участие в игре в лучшем случае может представляться трудом, в худшей – тяжелейшей пыткой. Кроме того, игра лежит вне сферы биологической или вообще какой-либо необходимости, она всегда есть нечто избыточное. Играть можно только при наличии свободного времени и в как бы стороне от деятельности, которую принято называть серьезной, настоящей. «Никто, торопясь позвать повитуху к рожаящей дочери, не станет читать распоряженья об играх и их распорядок; никто, когда бежит на

пожар собственного дома, не станет смотреть на игральную доску, чтобы узнать, как освободится взятый в плен камешек»³⁵. В то же время, сам процесс игры происходит в отличной от обыденной жизни реальности, игра протекает в своей собственной игровой сфере, и в этой отрешенности игры сокрыта и иррациональная сторона свободы. Игра свободна, она есть свобода³⁶. Примечательно в этом отношении, что в английском языке одно из значений слова play – «свобода». Игра дает толчок творческому началу. Однако при этом игра всегда ограничена пространством и временем. Игра возможна лишь в заранее определенных границах, которые игрок добровольно и свободно принимает. Пространственные границы – это место проведения игры: игральная доска, футбольное поле, игровой стол и т.д. Временные границы определяют тот промежуток времени, который отводится для игры, по истечении которого игра заканчивается. Игра не может лежать вне границ пространства и времени. Кроме того, игра имеет не только лишь пространственно-временные границы, она так же ограничена правилами, соблюдение которых так же неукоснительно должно быть принято игроком. Выход за границы является выходом из игры. И именно в этом отношении игра не есть творчество: игра не может выходить за обозначенные границы, а следовательно, не может создавать чего-то нового, что бы не было заранее возможно наличествовавшим в игре. Разница между игрой и творчеством может пониматься через описанную Николаем Бердяевым разницу между творчеством и рождением. «Творчество всегда из свободы, рождение же – из природы, из природной утробы. В рождении не столько творится небывшее, сколько отделяется и перераспределяется сила бывшего. Рождающий отделяет часть своей материи, своей природы. Абсолютно новое в мире возникает лишь через творчество, т. е. свободу, вкорененную в небытии. Творчество есть переход небытия в бытие через акт свободы»³⁷. Игра, следовательно, ничего не производит, а лишь перераспределяет начальные ресурсы. И все же игра, как и творчество, имеет дело со свободой: игрок свободен в своих действиях и может поступать в добровольно принятых рамках так, как он хочет и как может представить – он даже может сознательно проиграть. И здесь важно так же подчеркнуть, что не только лишь вступление в игру и игровые действия наполнены свободой и что ограниченность игры не должна становиться для

---

³⁵ Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Эксмо, 2010. С. 497.

³⁶ Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб., 2011. С. 32.

³⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека М., АСТ : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 56–57.

игроков абсолютным законом. Игру отличает от иной деятельности в обыденной жизни и то, что игроки всегда свободны в том, чтобы завершить игру. Необходимо, «чтобы они были всегда вольны выйти

из игры, сказать: «Я больше не играю»³⁸. Границы игры в этом

отношении не непреложны и не довлеют над игроком.

Таким образом, игра свободна и не связана необходимостью. Однако «с превращением игры в одну из функций культуры понятия долженствования, задачи, обязанности, поначалу второстепенные, оказываются всё больше с ней связанными»³⁹. Антиномия «свобода – ограниченность» перетекает в антиномию «**свобода – необходимость**», что наблюдается в различных социальных институтах. Исполнение правил игры, которые теперь являются культурными нормами и законами, становится теперь не просто свободным волеизъявлением игрока, но его долгом, за который он несёт ответственность. Впрочем, именно в этом отношении любой социальный институт и любая культурная традиция не могут пониматься как игра, несмотря на присутствующую, кажется, игровую природу: нарушение правил и границ игры теперь имеет для игрока последствия, идущие далеко за пределы игрового пространства, которым должна ограничиваться любая игра. «Свобода и ограниченность» – фундаментальная антиномия игры, из которой произрастают и раскрываются в своей пестроте и множестве другие противоречия.

С противопоставлением свободы и ограниченности непосредственно связана антиномия «**хаос – порядок**». В самом деле, иррациональная свобода вообще представляет собой неопределенность, которая, соответственно, необходимо присутствует в игре. Игра не может быть однозначно определена. Отточенная от начала и до конца игра будет в лучшем случае упражнением. Упражнение не есть игра: для упражняющегося оно представляет собой некое конкретное, реальное действие – действие, совершаемое в реальной жизни, а не в игровом пространстве. Упражнение не находится в сфере иного бытия. Итак, неопределенность. Следовательно – случайность, непредсказуемость. Каким бы образом

---

³⁸Кайуа Р. Игры и люди. Маска и головокружение // Р. Кайуа. Игры и люди; статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. С. 46.

³⁹Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб., 2011. С. 32.

мы бы ни классифицировали игры, мы не сможем не выделить специальные игры, основанные на случайности, и игры, основанные на искусности, на мастерстве и нередко, следовательно, соперничестве («агональные» в определении Р. Кайуа⁴⁰). Примером игр, основанных на счастливом случае, могут служить игра в кости, блэк-джек и т.п. Отличительной стороной таких игр является чистое равенство шансов; возможности игроков не зависят ни от мастерства, ни от социального положения, статуса, ни от каких-либо вообще факторов, кроме фактора случая. Игры же агональные, соревновательные – такие как футбол, бокс, шахматы и пр. – так же устанавливают в начале игры номинальное равенство, «статус-кво», которое же теперь, напротив, нарушается в связи с навыками и возможностями игрока. Однако перед самым началом игры игроки всячески стараются соблюсти это равенство – в случае очевидного превосходства одной стороны над другой нередко применяют т.н. фору. Так или иначе, для обоих названных видов игр мы видим, с одной стороны, необходимость изначальных равенств шансов, с другой – необходимость определенной законности исхода игры: с одной стороны, независимая, «слепая» воля судьбы – с другой, природные и социальные возможности и качества игрока. Здесь вообще мы говорим об антиномии «случайность – закономерность». Как отмечает Р. Кайуа, это – различные понимания справедливости. Так, игровые предпочтения, наблюдаемые в культуре в определенную эпоху у определенных народов, могут служить некоторым мерилем для понимания культуры вообще⁴¹. Там, где предпочитают игры, основанные на случайности, можно наблюдать стремление к некоторому упованию на волю высших сил, судьбы (благородство по происхождению); там, где предпочитают игры, основанные на искусности, можно наблюдать дух конкуренции и даже рыцарства (благородство по заслугам). Впрочем, нередко – и это особенно заметно в современном мире – обе тенденции, оба «игровых» толкования справедливости вступают в постоянное противоречие. И случайность зачастую воспринимается как закономерность. Это обусловлено тем, что игре, кроме хаоса и неопределенности присущ порядок.

Благодаря наличию внутреннего порядка мы отмечаем в игре

---

⁴⁰Кайуа Р. Игры и люди. Маска и головокружение // Р. Кайуа. Игры и люди; статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. С. 46.

⁴¹Там же. С. 33–204.

гармонию; благодаря наличию правил мы наблюдаем в игре ритм. «Правило – в соответствии с самим понятием правила – предполагает, что происходит определенное возвращение во времени, определенное возвращение в пространстве. Там, где ничего не повторяется и не возвращается так, что это можно заметить со всей ясностью, не воспринимается и наличие правила»⁴². Следовательно игра повторяема. Этим определяются и различные сезонные игры когда проведение игры возможно лишь при определенных условиях, в определенное время года (как, например, Летняя и Зимняя Олимпиады) или с наступлением некоторого события (игры, приуроченные ко Дню Города, Дню ВМФ и т.п.). Однако сам ход игры должен оставаться неопределенным, исход игры всегда должен представляться различным. Когда исход шахматной партии заранее предreshен, проигравшая сторона признает поражение и сдаёт партию; когда расклад в карточной игре не оставляет никаких вариантов, игроки вскрывают карты; точно так же и когда стихотворная рифма безоговорочно угадывается, читатель испытывает разочарование. Игра, таким образом, содержит в себе антиномию **«неопределенность – повторяемость»**.

Порядок вообще делает возможным познание, рационализирует игру. Игра – и это отмечает большинство исследователей – являет собой структуру, органично сочетающую в себе **рациональное и иррациональное**. Потому игра одновременно **познаваема и непознаваема**. И именно потому игра становится и «утешительным» средством в момент серьезных социальных потрясений, требующих неукоснительно действовать в рамках рационального, и «вдохновляющим» – при пробуждении творческого начала, требующего чего-то нового. Игра одинаково может быть и инструментом, и способом конструирования текста или создания произведения искусства, ценность которых будет тем выше, чем выше они поднимаются от «свободы-ограниченности» к чистой свободе, где игра превращается в творчество.

Игра, как нами уже отмечалось, ничего, что не было заранее возможным в игре, не производит и не создаёт, а лишь

перераспределяет ресурсы. «Эта фундаментальная «пустота» игры —

---

⁴²Юнгер Ф.Г. Игры. Ключ к их значению. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 149.

черта, которая более всего вредит ее репутации»⁴³. Игра внеутилитарна. Игра избыточна. Именно из-за этого игра часто воспринимается, как ненужное баловство, как нечто непристойное серьезного человека. Как деятельность объективно бесцельная и бессмысленная. Однако сама игра всегда связана с определенной целью. Но цель эта лежит в пределах игры. Игра одновременно **ненаправлена и направлена, внеутилитарна и полезна, целенаправленна**. Игра «просто так», игрок, тем менее, придерживается определенной цели, положенной в игре. И внеутилитарность и бесцельность игры – лишь условны, в то время как смысл игры – не условен, реален. В игре происходит упражнение, тренировка навыков, обучение, познание, хотя бы игра и была тем, что является одним из словарных значений этого слова – движением туда-сюда. О пользе игры говорит уже само обилие дидактических и педагогических материалов, показывающих роль игровой деятельности в воспитании и развитии ребенка. Кроме того, получение положительных эмоций в игре обнаруживает утилитарный принцип. И тем большее значение приобретает и смысл, положенный в игре. Наполняя игру интеллектуальным и духовным смыслом, игрок духовно обогащается. И хотя смысл игры не есть вообще основание для игры, и потому может быть понят не всяким игроком, он все же играет крайне важную роль для того, кто этот смысл для себя увидел. Так, объясняя свою «игру в шар», Николай Кузанский придает ей буквально онтологическое значение – его игра есть картина мира; и игра, а также и придумывание, изобретение игры становятся своего рода занятием философией, познанием мира и его закономерностей. И все же смысл игры всегда связан с личностью играющего и является в некоторой степени отражением и мерой его духовности. Сущность игры же не зависит от сознания играющего. Внешний смысл, вкладываемый игроком в игру, есть акциденция игровой деятельности.

Теперь мы подошли к тому моменту, когда сами собой угадываются такие антиномии игровой деятельности как **«реальность и фиктивность»** и **«имманентность и трансцендентность»**. Игра реальна, поскольку она совершается игроком в объективной действительности, ощущения в игре реальны для играющего. Однако по отношению к самой объективной действительности они фиктивны, они лежат в пределах игрового пространства и подчиняются правилам игры. Мы с удовольствием приведем здесь один из ярких примеров, описанный у Л. Столовича:

---

⁴³Кайуа Р. Игры и люди. Маска и головокружение // Р. Кайуа. Игры и люди; статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. С. 33.

«Четырехлетняя девочка играет с деревянной лошадкой, как куклой, и шепчет:

– Лошадка надела хвостик и пошла гулять.

Мать прерывает ее:

– Лошадиные хвосты не привязные, их нельзя надевать и снимать.

– Какая же ты, мама, глупая! Ведь я же играю!» – читаем мы в книге К.И. Чуковского «От двух до пяти». Ребенок прекрасно различает, что есть «игрушечное», а что – «кушечное»⁴⁴.

Или не менее яркий пример, описанный у Й. Хейзинги: «Он застал своего четырехгодовалого сына за игрой в поезд, восседающим во главе выстроенных им друг за другом нескольких стульев. Отец хотел было приласкать мальчика, но тот заявил: «Папа, не надо целовать паровоз, а то вагоны подумают, что всё это не взаправду»⁴⁵.

В той мере, в какой игра лежит в определенных пространственно-временных границах, игра имманентна, она принадлежит объективной действительности. Мы уже отмечали, что в отличие от творчества игра не принадлежит к чистой свободе; игра немыслима без «изначального расклада». Но в то же время игра и нереальна, фиктивна; игра не есть обыденная жизнь, а потому она позволяет человека оторваться, возвыситься от мира в другую реальность, где все иначе. Игра, следовательно, трансцендентна. Она одновременно и принадлежит реальности и лежит в других – игровых, существующих лишь трансцендентно по отношению к реальности – пределах. В той мере, в какой игра одновременно реальна и фиктивна, полезна и внеутилитарна, развиваются и различные подходы к происхождению игровой деятельности: игра либо имеет психофизиологическое, природное основание – как принадлежащая строгой, рациональной действительности, либо социокультурное основание – как фиктивная, ненастоящая, вымышленная деятельность, служащая упражнением и подготовкой к настоящей деятельности.

Наконец, совершенно особенное место занимает антиномия – «**веселость – серьезность**». В то время как вышеназванные антиномии вытекают одна из другой, взаимораскрывают и дополняют друг друга, указанные категории стоят как бы стороне. Однако при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что веселость игры проистекает из свободы; серьезность игры – из ограниченности. Веселость игры проявляется всегда в некоторой легкости и

---

⁴⁴ Столович Л.Н. Искусство и игра. М. : Знание, 1987. С. 25.

⁴⁵ Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб., 2011. С. 32.

доставляемом чувстве радости и удовольствия. Легкость игры угадывается нами, когда мы говорим: «он делает это играючи», т.е. непринужденно, свободно. Таким образом, веселость есть вообще ощущение свободы. Из-за внеутилитарности, «пустоты» игры, веселость часто принимается за пустое баловство, за легкомыслие. Но, как отмечает Х. Ранер, «эта парящая легкость ни в коем случае не есть легкомыслие, ведь легкомыслие – это всегда тайное отчаяние... играющий человек – это человек серьезности... ибо не бывает игры без глубокой серьезности, и, даже когда играют дети, они с какой-то почти мифической силой вступают в сферу влияния абсолютной обязательности и в тень возможного проигрыша»⁴⁶. Серьезность – от принятия ограниченности, порядка и правил игры, от добровольно принятой необходимости. Можно говорить о некоторой близости здесь противопоставления оптимистического и пессимистического мироощущений. Однако серьезность игры не есть отрицательный и негативный взгляд: она неотделима от веселости. Человек играющий всегда серьезно-весел. «Если имелась бы лишь одна противоположность, мы должны были бы назвать человека несерьезно заигравшимся; если другая – он пребывал бы разочарованным»⁴⁷. Сочетание этих противоположностей наполняет игру ещё одним признаком, присущим игре, и даже вынесенным Й. Хейзингой в её дефиницию – внутренним напряжением. В самом деле, игра всегда сопровождается этим ощущением радости и напряжения – напряжения веселой серьезности от осознания цели, смысла и ценности игры. Порой напряжение это носит даже оттенок мучительный для игрока, и всё же он принимает его, и игра его, по выражению Г. Гессе, причастна к веселью богов и звезд – это есть «тайна прекрасного и истинная суть всякого искусства»⁴⁸.

Именно в таком противоречивом наборе и раскрывается, на наш взгляд, в полной мере сущность игры. Свободна и ограничена, хаотична и упорядочена, неопределённа и повторяема, направлена и ненаправлена, рациональна и иррациональна, познаваема и непознаваема, реальна и нереальна, имманентна и трансцендентна, внеутилитарна и целенаправленна, весела и серьезна – такова игровая

---

⁴⁶ Ранер Х. Играющий человек. М., Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. С. 17-18.

⁴⁷ Там же. С. 18.

⁴⁸ Гессе Г. Игра в бисер // Г. Гессе. Степной волк. Игра в бисер : романы. Рассказы и очерки. М., 2004. С. 456.

деятельность. Повторим: игра антиномична и диалектична. Игра противоречива, как и сама жизнь. Потому и существует определенная трудность при исследовании игры. Потому и разнолики ее проявления в культуре и отношение к ней. Потому она и столь привлекательна в современном мире с его высоким духом интеллектуального рационализма и служит одновременно отдохновением, утешением и бегством от реального мира.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Е.В. Решетникова

г.Новосибирск

МЕТАМОРФОЗЫ СУБЪЕКТА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: В статье проведено соответствие организационных форм научной деятельности (национальные академии, дисциплинарные и междисциплинарные сообщества), форм научной коммуникации (Республика учености, Невидимый колледж и Агентство научных и деловых коммуникаций) и образов субъекта научной коммуникации (интеллигент, интеллектуал и менеджер). Показана зависимость ключевых компетенций ученого от значимых качеств, востребованных в научном сообществе определенного исторического периода.

Ключевые слова: Научная коммуникация, образ ученого, «Республика учености», «Невидимый колледж», «Агентство научных и деловых коммуникаций».

**METAMORPHOSIS OF THE SUBJECT OF SCIENTIFIC
COMMUNICATION**

E. V. Reshetnikova

Abstract: The article deals with the compliance of the organizational forms of research (national academies, disciplinary and interdisciplinary communities), the forms of scientific communication (Republic of letters, the Invisible College and the Agency of scientific and business communications) and images of a subject of scientific communication (intellectual, intellectual and Manager). The dependence of scientist core competencies from the significant qualities needed in the scientific community of a certain historical period is shown.

Key words: Scientific communication, the image of the scientist, «Republic of letters», «The Invisible College», «Agency of scientific and business communications».

Идея субъекта как структурного элемента процесса познания возникла в Новое время и почти в неизменном виде просуществовала вплоть до середины XX века, охватывая период в философии от Декарта до логического позитивизма. Ее суть состояла в противопоставлении познающего субъекта и познаваемой реальности. Теория познания, основанная на такой концепции, строилась на

адекватном отражении реальности в сознании. Однако, проблематичность такой концепции состояла именно в адекватности отражения. Снять ее стало возможно только во второй половине XX, когда в поле внимания философии были включены две взаимосвязанных сферы: язык и коммуникация. После чего познание в эпистемологии последних десятилетий предстает как культурный и социальный феномен. С этого момента идея субъекта в его эпистемологическом аспекте (выработка знания как следствие познавательных усилий индивида) преобразуется в идею коллектива, сообщества, вырабатывающего принципы своей жизни (Л. Флек, Р. Мертон, Т. Кун). При понимании субъекта познания как сообщества в центре внимания оказывается не совокупность индивидуальных усилий, интеллектуальных и волевых актов, а коммуникативная структура⁴⁹. Само познание в соответствии с этим сводится к безличным процессам, проходящим в коммуникативной среде. Субъект, в этом случае, прежде всего, субъект коммуникативной деятельности, способный к рациональной аргументации в сообществе других таких же субъектов.

Таким образом, проблемой исследования является изменение сущности и структуры субъекта научной коммуникации от декартовского субъекта познания до постмодернистского, соотношение статических характеристик, присущих субъектам всех времен и динамических характеристик, отражающих время бытийствования субъекта научной коммуникации.

Актуальность исследования заключается в попытке увидеть субъекта научной коммуникации в становлении его сущности и структуры. Важно понять, в какой степени коммуникационные способности ученого как субъекта исследовательской деятельности, способствуют осуществлению им намеченных проектов, что особенно важно в связи с процессами глобализирующейся современной науки и прогрессом технологий.

Означенная проблема напрямую связана с проблемой кризиса человеческой идентичности, преодоление которой в исследованиях Г.Б. Гутнера, М. Готдинера, Дж. Уарда, М.Фуко вплотную связана со становлением субъект-субъектной коммуникации. По мнению Г.Б. Гутнера, в связи с открытием роли языка и социальных практик эту стратегию описания субъекта следует признать наиболее перспективной, что, несомненно, задачу детерминации становления субъекта научной коммуникации ставит в означенный ряд как важнейшую.

---

⁴⁹ Гутнер Г.Б. Следование правилу и габитус в описании коммуникативной деятельности //Вопросы философии. №2. 2008. С. 105-116.

В аспекте становления субъекта научной коммуникации интересно сформулировать наборы его человекоразмерных характеристик, сформированных вызовами современности. А именно, ученый не является простым исследователем, выполняющим детерминированные извне научные проекты, но в каждый период времени презентует сложившиеся имиджевые модели интеллектуала, интеллигента, менеджера.

Таким образом, цель данной статьи – проследить становление и эволюцию организационных форм научной деятельности, и их влияние на изменение способов научной коммуникации, трансформацию, метаморфозу субъекта научной коммуникации.

С момента оформления науки в профессию ее организационные формы эволюционировали от национальных академий к дисциплинарным и междисциплинарным сообществам. Формы научной коммуникации как стратегического взаимодействия между учеными, научными работниками, школами, сообществами⁵⁰, также претерпели изменения. Научная коммуникация представляет собой совокупность видов профессионального общения в научном сообществе, один из главных механизмов развития науки, способ осуществления взаимодействия исследователей и экспертизы полученных результатов. Исторически можно выделить три формы научной коммуникации: «Республика учености», «Невидимый колледж», «Агентство научных и деловых коммуникаций». В соответствии с востребованными в каждом случае способами взаимодействия и коммуникации, образ ученого также претерпел изменения.

Оформление науки в профессию происходит в Новое время, в 17 веке. Идея создания национальных академий и научных обществ как организационных форм научной деятельности была выдвинута Фрэнсисом Бэконом в утопической повести «Новая Атлантида», где он описал «Дом Соломона» - некую модель организации научной деятельности и коммуникации. Жители этого дома руководствовались кодексом ученого-эмпирика: по крупницам собирать и обобщать полученное знание, транслировать его в научное сообщество. Ученые путешественники по трое отправлялись в разные страны для ознакомления «с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, для доставки ... всевозможных книг, инструментов и образцов»⁵¹. Новая Атлантида у Бэкона выступает как город-полис, поэтому и Дом Соломона построен как государственная

---

⁵⁰ Мирский Э. М. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. С. 135.

⁵¹ Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х т. М., 1972. URL: [Электронный ресурс]. <http://tululu.org/read70315/>

организация. Развивая тему о величии и благе научно-технического прогресса, Ф. Бэкон возвышает ученых и излагает свой проект всегосударственной организации науки.

Идея Ф. Бэкона была подхвачена в Европе, где первые научные академии (прообразом которых послужил Дом Соломона) возникли примерно в одно время: Лондонское Королевское общество (1660), Парижская Академия наук (1666), научные академии в Берлине (1700), Санкт-Петербурге (1724), Стокгольме (1739). Так, например, созданное 28 ноября 1660 г. Лондонское Королевское общество направляет свою деятельность, главным образом, на исследования в области естественных наук, занимается изучением английской системы образования и путей её улучшения, координирует работу английских учёных и специалистов в различных областях науки.

В этот же период предпринимаются усилия по процедурному оформлению процесса научной коммуникации. В десятках европейских университетов трактат или критические заметки, подготовленные одним из схоластов, переписывались и отправлялись всем заинтересованным в дискуссии коллегам. Тем самым были заложены основы системы оперативной связи, согласованных действий и самоорганизации научных сообществ. Интенсивность коммуникаций зависела от состояния работы над научной проблемой. Численность ученых этого периода не превышала 10 тысяч человек в мире, большая часть из них была сосредоточена в Европе и объединилась в сообщество, которое называли «Республикой учености»⁵². Эразм Роттердамский, благодаря которому этот термин получил распространение, выдвигал особые требования к «гражданину» «Республики»: этот человек должен быть не только эрудированным и широкообразованным, но также воспитанным и культурным и, как правило, в большей степени популяризовавший результаты науки и искусства, нежели чем осуществлявший самостоятельные исследования. Установление контактов с другими образованными людьми, координация их деятельности, попытка составлять международные обзоры по проблемам науки – вот основные задачи научной коммуникации этого периода. Этот процесс постоянно расширялся как по количеству участвующих в нем ученых, так и тиражами научных журналов. Образ ученого-коммуниканта складывался из таких характеристик, как: эрудиция, образованность, воспитанность, культурность, умение популяризовать результаты науки и искусства, что больше востребовало качества интеллигента,

---

⁵² [Трофимова В. С. Роль интеллигенции в Европе переходного XVII века// Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». Том 21 (60). №3, 2008. С. 181-186.

чем интеллектуала. Если обратиться к определению Д.С. Лихачевым понятия интеллигентность⁵³, то становится ясным, что ученый-интеллигент – это не только человек, склонный к мыслительным занятиям, но и к осмыслению социальных процессов. Интеллигентность происходит от латинского *intellegentia* - представление, понятие, смысл. Умственная порядочность, творчество, интеллектуальная свобода – вот собирательные характеристики ученого-интеллигента. Еще один из главных столпов интеллигентности - характер образованности, он должен непременно носить социокультурный характер – это набор знаний и умений общего и специфического характера, усвоенных ученым в ходе социализации и дополненных адаптационными навыками в научном учреждении. Этот набор необходим и достаточен для выживания его как человека и для стабильного занятия типичными действиями, признаваемыми в данном сообществе за научные. Это наличие общекультурной эрудиции, актуальной и исторической эрудиции по определенной дисциплине; знание иностранных языков, в первую очередь – английского, на котором представлена престижная научная литература; общие логико-методологические знания, специальные методологические знания и методические умения по дисциплине. Другие существенные идеально-культурные качества и способности (ум, талант, моральные свойства) ему приписываются по умолчанию⁵⁴.

Вторая историческая организационная форма научной деятельности связана с дисциплинарным характером науки. В 18-19 веке образуется множество научных дисциплин и, соответственно, формируются дисциплинарные сообщества, организационная структура которых образует многоуровневую систему науки. К концу 19 века число ученых достигает 100 тысяч и требует новой организации коммуникативных связей.

Вторая организационная форма научной коммуникации реализовалась в «Невидимых колледжах»⁵⁵. Гипотезу о «невидимых колледжах» ввели в научный оборот Д. Бернал и Д. Прайс. Самоорганизующиеся коммуникативные объединения исследователей, работающих над новой перспективной проблематикой, по их мнению, имеют определенную, достаточно устойчивую структуру, функции и объем.

В своем становлении такие объединения проходят четыре фазы: нормальную фазу, коммуникационную сеть, сплоченную группу и

---

⁵³ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993.- N 2. С. 3- 9.

⁵⁴ Рапопорт С. Социокультурная компетенция интеллигента и здравый смысл <http://www.narcom.ru/ideas/common/37.html>

⁵⁵ Невидимый колледж. [Электронный ресурс]. http://physchem.narod.ru/Source/History/Addition_17.html

сформированную научную специальность. Формы взаимодействия для каждой из фаз предполагают разную по количеству и качеству коммуникацию: от контактоустанавливающей коммуникации через сотрудничество к соавторству и, наконец, к академической коммуникации. Первая фаза, так называемая нормальная, - это период относительно разрозненной работы будущих участников и их последователей над близкой по содержанию проблематикой. Здесь необходимо установить контакт между учеными, определить в общих чертах программу разработки проблемы и оценки ее перспективности. Общение идет, в основном, через формальные каналы, причем его участники еще не считают себя связанными друг с другом внутри какого-нибудь объединения. Фаза формирования и развития сети характеризуется интеллектуальными и организационными сдвигами, приводящими к объединению исследователей в единую систему коммуникаций. Взаимодействие строится на принципах сотрудничества и сотворчества. Коммуникации носят устойчивый, прогрессирующий характер.

Фаза интенсивного развития программы нового направления за счет действий сплоченной группы, которую образуют наиболее активные участники сети коммуникаций, отличается высокой эффективностью коммуникаций. Разрабатываются и публикуются результаты по небольшому числу наиболее важных проблем, что обеспечивает эффект цепной реакции. Эта фаза отличается максимальной концентрацией коммуникативных связей.

Фаза институционализации нового научного направления предполагает ее признание сообществом, трансформацию научной коммуникации в академическую форму. Возникают формальные средства организации: журналы, библиографические рубрики, кафедры, учебные курсы, секции в профессиональных ассоциациях и т.п. При этом, однако, сплоченная группа распадается, ее бывшие члены возглавляют самостоятельные группировки, каждая из которых разрабатывает по собственной программе группу специальных проблем и все начинается с первой фазы.

Образ ученого коммуниканта в «невидимом колледже» включает такие характеристики, как: умение осуществлять навигацию в поле перспективной научной проблематики, владение информативным фатическим (контактоустанавливающим) общением, индивидуальный исследовательский талант и умение работать в творческом коллективе. Здесь, как мы видим, вырисовывается более сложный образ коммуницирующего интеллектуала, для которого индивидуальное и коллективное выступают в равных частях.

Современный интеллектуал занимается сбором знаний и передачей их другим людям. Также немаловажна и другая задача — создание совершенно новых знаний и информации. Современный интеллектуал обычно мыслит самостоятельно. Используя результаты труда других интеллектуалов и анализируя их, он делает собственные выводы и строит на них полноценные наработки. По определению **интеллектуал** — человек с высоко развитым интеллектом и аналитическим мышлением; представитель интеллектуального труда. С позиции социологии «интеллектуал», в отличие от «эрудита», является творческим социальным субъектом, постоянно включенным в процесс абстрагирования по поводу истины и морали. Интеллектуал производит и развивает идеи, определяет нормы и культурные ценности для остальной части общества^[1]. Термин «интеллектуал» пришёл из Западной Европы в конце XIX — начале XX века. В ряде современных словарных статей, подготовленных на Западе, понятие «интеллектуал» выступает синонимичным понятию «интеллигент». До XVIII века интеллектуалом в современном смысле оказывался любой грамотный человек. В широкое распространение термин «интеллектуал» вошёл в конце XIX века. Начиная со второй половины XX в., многие ученые и публицисты активно объединяют понятия «интеллектуал» и «интеллигент». Интеллектуалы ощущают себя группой через общую функцию — производство общепринятой и общепризнанной картины мира, которая классифицирует мир и категории мышления, создает средства ориентации (например, идеологии, системы мировоззрений). Таким образом, ученый интеллектуал, сохраняя статические характеристики ученого-интеллигента, демонстрирует доминирование рациональной составляющей.

В 20 веке на смену дисциплинарным приходят **междисциплинарные сообщества** — третья историческая организационная форма научной деятельности, которая предусматривает взаимодействие представителей различных дисциплин в изучении одного и того же объекта. К концу 20 века насчитывается не менее 6 млн. ученых, примерно столько же заняты обслуживающим науку трудом. Если взять общее число ученых, живших на Земле от древности до конца 20 века, то окажется, что 90% из них — наши современники.

Этот процесс усложнения организационных форм научной деятельности сопровождался эволюцией форм научной коммуникации и трансформацией образа ученого. Дальнейшая эволюция организационных форм научной коммуникации связана с исследованием конкретных данных о становлении научных

специальностей и коммуникационных структур, то есть с детализацией исследования «невидимого колледжа». Сегодня, чтобы публично оформиться в исследовательскую группу, например, для изучения бактериофагов, необходимо побывать на специальных конференциях, изучить распределение планов написания рукописей или прочитать гранки будущих публикаций, а главное, прибегнуть к изучению формальных и неформальных систем коммуникаций, включая и те, которые раскрываются в переписке и способах цитирования. Незаменимую помощь в этом может оказать такая современная организационная форма научных коммуникаций, как некоммерческое партнерство «Агентство научных и деловых коммуникаций», созданное в 2005 году для взаимодействия с входящими в состав РАН научными учреждениями и организациями, вузами⁵⁶.

За 8 лет работы они организовали более 100 научных мероприятий, объединяя два направления:

- 1) корпоративную трэвел-индустрию - деловые поездки;
- 2) организацию мероприятий, направленных на создание эффективных коммуникаций между наукой, государством и бизнесом (конгрессы, конференции, симпозиумы, семинары, обучающие программы, выставки в России и за рубежом и т.д.).

Расширяя коммуникационные возможности, они разработали платформу EvguCom, включающую в себя многофункциональную систему видеокommunikаций для совместной работы, электронный университет, Интернет трансляцию мероприятий и другие интеллектуальные и инфраструктурные продукты и услуги.

Как видно из функционала этой организации, формируется новый образ ученого-коммуниканта. Помимо характеристик интеллигента и интеллектуала, востребованы такие характеристики, как агональность (состязательность), конкурентоспособность, соответствие социальному заказу, умение сопрягать научный, деловой, гражданский дискурсы, умение продвигать научный продукт на международном и отечественном рынке. А это не что иное, как метаморфоза образа ученого в сторону образа менеджера.

Образ менеджера формируется через призму управленческой деятельности, где наиболее важными оказываются организаторские качества, характеризующиеся умением подбирать, расставлять кадры, планировать работу, обеспечивать четкий контроль. Несомненно, ученый-организатор должен быть **целеустремленным** - уметь поставить четкую и ясную цель и стремиться к ее достижению. К

---

⁵⁶ Агентство научных и деловых коммуникаций. [Электронный ресурс]. [http://www.andk.ru/.](http://www.andk.ru/)

значимым качествам также можно отнести **гибкость**, то есть, способность реально оценивать обстоятельства, адаптироваться к ним, не меняя, при этом принципиальных позиций. Современный ученый должен быть максимально **работоспособным**, способным длительно выполнять работу с высокой эффективностью, **настойчивым** - упорно стремящимся достичь сознательно поставленную цель. Самостоятельность, дисциплинированность инициативность и конечно же интеллектуальные качества.

Как можно заметить, ученый-менеджер сочетает в своем образе интеллектуальные и коммуникативные качества. Интеллект может выступать или не выступать в качестве фактора его успешности, в зависимости от того, какие ресурсы ученого-менеджера - интеллектуальные или коммуникативные включены в его деятельность.

Часто именно **коммуникативные качества учено-менеджера выступают на первый план:**

- способность к кооперации и групповой работе;
- поведенческие ориентации при разрешении конфликтных ситуаций;
- социальная компетентность при реализации своих целей. В зависимости от конкретной ситуации и целей, важно точно применить тот или иной стиль общения. Если ученый-менеджер обладает навыками общения, то ему легко устанавливать деловые контакты⁵⁷.

Исходя из выше сказанного, можно выделить в структуре профессионально важных качеств ученого-менеджера организаторские, интеллектуальные, мотивационно-волевые и предпринимательские качества. Западные университеты ввели в свои уставы (и это требуется законом) три функции университета - учеба, наука и инверсия в высокие технологии. И если университет не выполняет третьей своей задачи, то его финансово наказывают. В России этим вопросом заниматься пока некому. Есть сейчас и другая идея - создание научных парков в университете, задача которых внедрять, практически воплощать научные идеи.

Таким образом, эволюция организационных форм научной деятельности: национальные академии – дисциплинарные сообщества – междисциплинарные сообщества, - повлекла за собой эволюцию организационных форм научной коммуникации: «Республика учености» - «Невидимый колледж» - «Агентство научных и деловых коммуникаций». А это в свою очередь вызвало трансформацию образа ученого-коммуниканта: интеллигент – интеллектуал – менеджер.

---

⁵⁷ Бойченко О.В. Коммуникация как основа научной деятельности: социологический анализ. автореф. дис. ... к-та соц. наук : 22.00.06 - Социология культуры / О.В. Бойченко, Московский. гос. ун-т. М, 2012. 23 с.

С.И. Чудинов
г. Новосибирск

РОССИЯ КАК ОПЛОТ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ⁵⁸

Аннотация: В статье рассматривается состояние современной мировой цивилизации сквозь концепт общества риска, прогнозируется возможный сценарий преодоления полосы глобальной нестабильности и реконфигурации сложившейся геополитической системы. Отмечается роль российской цивилизации в этом процессе.

Ключевые слова: глобальная нестабильность, общество риска, российская цивилизация, геополитика, экстремизм, судьба мировой цивилизации.

RUSSIA AS A BASTION OF WORLD CIVILIZATION IN THE CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY

S.I. Chudinov

Abstract: The article examines the state of contemporary world civilization through the concept of risk society, it predicts a possible scenario to overcome the period of global instability and reconfiguration of the geopolitical system. It notes the role of the Russian civilization in the process.

Key words: global instability, risk society, Russian civilization, geopolitics, extremism, fate of world civilization.

Современный мир вступил в период глобальной нестабильности

Фундаментальные принципы существования и воспроизводства социума претерпели очень значительные изменения. Если отказ от традиционности в сторону свободно конструируемых форм социальной и культурной жизни, регулярное их обновление без оглядки на опыт предыдущих поколений, стал характерен еще в эпоху модерна – периода ломки социокультурных основ, социальных

---

⁵⁸ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-530.2014.6).

революций, социальной инженерии и социального утопизма, то качественно новый этап наступил с конца 1960-х. С культурологической точки зрения этот период вполне справедливо именовать постмодерном, поскольку в это время начинается вполне определенное и последовательное разрушение модернистских основ западного социума и переход культуры к состоянию дрейфования в океане ценностной неопределенности.

Тип общества, который сложился в результате отказа от модернистских установок в сфере культурно-ценностной (с наследованием их в области социально-политической – общество осталось секулярным и ориентированным на модель либерально-демократического государства), получил различные наименования. Социологи пытаются описать его применяя разнообразные концептуальные понятия.

Одно из них принадлежит У. Беку, который в 1980-х гг. ввел термин «общество риска», позднее несколько усложнив его до понятия «глобальное общество риска», в котором отмечается масштаб распространения элементов этой социальной модели. Немецкий ученый в своем определении высветил и объяснил важную особенность современного социума, а именно крайнюю нестабильность его существования вследствие множества причин. Во-первых, усложнение и повышение степени цивилизационно-технической мощи общества приводит к обратному эффекту непредсказуемости и непрогнозируемости последствий введения новых революционных технологий. От производства благ общество перешло к производству и распределению рисков⁵⁹. Во-вторых, дальнейшее углубление принципа индивидуализации человека и, соответственно атомизации социума, приводит к тому, что традиционные социальные структуры распадаются и происходит диффузия классовых сообществ. Возникает новый тип сообществ, члены которых интегрируются в некие социальные группы и чувствуют сопричастность друг другу, возникающую на основе общих страхов, экзистенциального одиночества, социальной маргинализации. Это так называемые «риск-сообщества».

Хотелось бы добавить, что, в-третьих, общество риска – это ценностно неустойчивое образование. Поскольку в нем нет ничего незыблемого в плане истинности, ценностный скептицизм робко

---

⁵⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-традиция. 2000. С. 381.

держится за соломинку правовой традиции общества, в аксиологическом плане опирающуюся на все более расплывчатую конструкцию «прав человека». За последней уже может скрываться что угодно (любые социокультурные и духовные aberrации). Также она весьма удобна для идеологического прикрытия различного вида скрытого и открытого вторжения во внутренние дела суверенных стран.

Экономический кризис 2009-2010 гг. привел в трубулентное движение весь мир. Он породил несколько волн социального протеста, отчасти совершенно спонтанного, отчасти запрограммированного. «Арабская весна» сочетала в себе как то, так и другое. Движение «Оккупируй Уолл-стрит» скорее носило характер спонтанного гражданского протеста из-за резкого ухудшения уровня жизни, но этот протест не привел революционным настроениям. Стало ясно, что именно западная цивилизация служит источником флуктуаций глобальной нестабильности.

Ближайшее будущее предвещает нам не слишком спокойные времена. Экономические проблемы не ушли в прошлое. Экономическая мегасистема США подточена гигантским государственным долгом. И это противоестественное состояние не будет длиться слишком долго. Европа поляризовалась на остающиеся экономически страны и доминирующие над остальной Европой. Вновь наметившийся раскол между Россией и Европой и попытка изолировать российскую экономику и политическую элиту, ведут к духу конфронтации между цивилизациями. Нарастание кризисных тенденций и рисков неизбежно.

Современный мир стал более лицемерен и менее гуманен

Рушатся незыблемые основы гласной и негласной этики взаимодействия между государствами и целыми цивилизациями.

Происходит отмена международного права как конвенциональной и потому изменяемой в принципе, но незыблемой до момента пересмотра форме системе общеобязательных норм и правил межгосударственного взаимодействия. Международное право давно перестало быть общеобязательным и равнозначным для всех субъектов. Конечно же, оно никогда и не было общеобязательным для всех, ведущие мировые державы всегда имели возможность выйти за его рамки. Но если ранее геополитическая конкуренция строилась

вокруг определенных правил игры (заданных самим же «мировым сообществом»), теперь желание реализовать свои геополитические интересы игнорирует всяческие правила, поскольку играть «по честному» или даже немного жульничая не получается.

Война в XXI веке приобрела вполне отчетливые и своеобразные очертания. Военные конфликты случаются в мире регулярно и в основной своей массе иницируются геополитически и экономически заинтересованной стороной, в качестве которой выступает западная цивилизация.

Военные конфликты носят характер локальных, но преследуют цели глобальные – консервацию однополярного геополитического мира и оттягивание момента краха долларовой монетарной системы. Война носит в основном совершенно лицемерный и скрытый характер, она может приобретать вид организации и поддержки экстремистских движений (радикально-исламского, националистического, радикально-либерального и прозападного толков).

В ней просматриваются две отчетливые составляющие – организация реальных протестных акций и вооруженной оппозиции, и манипуляция общественным сознанием с помощью методов и средств информационной пропаганды и информационных спецопераций.

Локомотивом этого процесса выступает политическая элита США, которая все время подстегивает европейских партнеров по НАТО к более решительным действиям в угоду своим интересам. Геополитической и военно-политический союз европейских держав с США – это диктат дряхлеющего американского гегемонизма над Старым Светом. Стремление к независимости от этого диктата со временем будет только увеличиваться. В этой связи напомним, что не только дипломатические усилия России, но несговорчивость и даже в некотором смысле «бунт» Европы спасли Сирию от реализации ливийского сценария и неминуемой гибели одного из древнейших очагов цивилизации Ближнего Востока.

Россия – оплот будущего возрождения мировой цивилизации

В семье цивилизаций на территории современной ойкумены Россия – одна из немногих цивилизаций, если не единственная между преимущественно (пост)христианским Западом и преимущественно нехристианским Востоком, которая еще способна сохранить и

возвысить универсальные духовные ценности, объединяющие человечество. Она сочетает в себе как европейские ценности демократии, свободы и светской модели устройства общества, задающей общие правила и рамки равноправного сосуществования и возможного расцвета любых подлинно духовных учений, так и здоровое влечение к сохранению и восстановлению традиционных духовно-нравственных ценностей христианских народов. Духовное отрезвление и оздоровление Европы и Запада в целом, если и возможно, то только с помощью, а не без и тем более вопреки России, которая еще в XIX – начале XX вв. продемонстрировала возможности высочайшей интеллектуальной культуры и культурного синтеза, в котором классическая европейская образованность, глубокое усвоение философской и научной культуры, слилось с критическим и творчески-конструктивным переосмыслением итогов развития европейской интеллектуальной и духовной культуры.

Ростки нравственного оздоровления на почве органического отторжения нигилистического ценностного вакуума, в который мировая культура постепенно погружалась на протяжении последних двух столетий, в XXI в. свойственны именно русскому народу и России.

Это одна из немногих, если не единственная из цивилизаций так называемой «постсовременности» (эпохи неопределенности, блуждания в сумерках культуры и смутных цивилизационных поисков после нигилистического краха конструкции европейского ценностного и исторического сознания), которая демонстрирует путь развития вне попыток встраивания в неокOLONиальную систему порабощения мира и стратегии геополитического подчинения других народов своим утилитарным интересам и геополитическим амбициям. Перспектива приобщения к закрытому клубу «мирового сообщества» в качестве младшего партнера далеко уже не так привлекательна как несколько десятилетий ранее. Многие страны Латинской Америки, Азии, так называемого «третьего мира» все чаще пытаются опереться на собственные национальные интересы в разработке стратегии государственного развития, проявляют сочувствие к тем идеологиям, которые способны укрепить чувство национального достоинства и независимости.

Здоровые или еще окончательно не одурманенные культурным нигилизмом и стремящиеся к сохранению национального

суверенитета силы Европы обратятся к союзу с Россией, если она будет твердо держаться собственных оснований социокультурной жизни (значительная часть которых имеет европейское происхождение). Возрождение Церкви и традиционной духовности, русского национального духа, который имеет как особенные проявления, смутно понятные другим, так и универсальные черты (умение понять и полюбить другие народы). Большинство населения Европы, которое еще сохранило адекватную шкалу ценностей, будет сопротивляться завязываемому агрессивному диктату социальных меньшинств, разрушению семьи и деградации семейно-брачных отношений. Растущая популярность правых политических сил, национально- и консервативно ориентированных, националистические настроения, все более характерные для многих стран Старого света, демонстрируют не что иное как набирающий оборот социальный протест против превращения своей цивилизации в тотальный Содом.

Чем более мир погружается в пучину ценностно-культурной неопределенности, социальной и геополитической нестабильности, тем более будет усиливаться стремление к тем островкам стабильности, которые к тому времени сохраняться. В «текущем» по выражению З. Баумана обществе, где «твердые» социальные структуры подвергаются расплавке и превращаются в «жидкие»⁶⁰, человек не может стать полностью «текучим», иначе он утратит любые онтологические основания своего существования, а значит, жизни. Отсюда ведет свои истоки значительно заметная реакция по поиску стабильности в той или иной форме, скажем, возврату к этнокультурной или национальной традиции предков, квазиэтнизация и попытки реконструирования древней, стремящейся к гармонии с природой, системой мировоззрения, недоверие к техническому прогрессу и антимодернистские настроения, популярность националистических движений, манипулирующих национальной идентичностью и чувством патриотизма. Задача выживания в современном мире требует обретения пути возрождения национального духа, минуя искушения радикализма и культурно-патологических форм стремления к восстановлению национального достоинства и социокультурной идентичности.

В таких условиях жажда истины и справедливости в межгосударственных и межкультурных отношениях будет

---

⁶⁰ Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. Под ред. А.В. Асочакова. СПб., Питер. 2008. С. 240.

стремительно нарастать. И та цивилизация, которая сможет представить пример адекватного восприятия истории и геополитики, и соответствующей жизнеспособной стратегии развития, станет центром притяжения здоровых социальных и политических сил, а значит, противовесом глобальной цивилизационной энтропии. Этим центром может стать Россия, твердая в своих ценностных позициях и геополитической стратегии, нацеленной на созидание, а не разрушение, гармонизацию мира, а не хаотизацию.

ЭСТЕТИКА

В.С. Ежов
г. Новосибирск

**СТАНОВЛЕНИЕ НОМО AESTHETICUS: ОТ КЛЕТКИ ДО
ЦЕННОСТИ**

Аннотация: Данная статья касается темы архаической культуры. Актуальной в эстетической науке является проблема возникновения культурного человека, его творческих возможностей.

Ключевые слова: эстетическое сознание, гармония, красота, креативная культура, человеческая деятельность, идея бессознательного, мыслительная форма.

Ключевые слова: эстетическое сознание, гармония, красота, творческая культура, человеческая деятельность, идея бессознательного, мыслительная форма.

**FORMATION OF HOMO AESTHETICUS: FROM A CELL TO
VALUES
Ezhov V.S.**

Abstract: The formation of Homo aestheticus: from a cell to values
The paper is devoted to the theme of archaic culture. In actual aesthetic science the problem of the appearance of a cultural person and his creative abilities is examined.

Key words: the aesthetic consciousness, harmony, beauty, creative culture, human activity, idea of unconsciousness, the cogitative form.

Современное развитие культуры ориентировано на новое качественное состояние, синкретичное осмысление традиционалистских и инновационных тенденций социального развития при формировании нового типа цивилизации. В условиях ускоренного развития техники проблемы культуры приобретают сегодня первостепенное значение, ибо «пронизывая» все аспекты человеческой жизнедеятельности, культура выступает активизирующим фактором социального развития, проявляясь в знаковых и символических системах. Начало третьего тысячелетия актуализировало в научном мире проблему становления глубинных основ родовой сущности человека, развития человечества в целом и разумного современного человека в частности. В последние годы научные публикации указывают на интерес к проблеме времени возникновения культурного человека, содержанию его жизнедеятельности, сапиентности, развитию человеческой

чувственности, творческих возможностей субъекта на разных уровнях эстетической деятельности. Архетипические корни мифической реальности с её целесообразной виртуальностью как родовым основанием социокультурной реальности любого социума мы прослеживаем и в современном развивающемся мире. Она проявляется не только как архаика, но и как фундаментальная характеристика человеческого бытия, например, во взаимосвязи с современной информационно – коммуникативной формой, мифологизируя пространство Интернета. Это актуально при рассмотрении бессознательных актов социальной активности людей. Автор понимает мифологию как интуитивно – образное восприятие мироустройства в коллективных представлениях людей.

Сложность развития общественных процессов и преобразований в условиях реформирования современной российской действительности, необходимость утверждения новых форм социального творчества, процесса воспитания человека и предопределяет научный поиск истоков становления эстетического сознания, что способствует осмыслению и углублению познания специфики эстетического, в концептуальном определении которого современными исследователями не дано однозначного ответа. Эстетика, являясь философским знанием, утверждает свой «ёмкий» статус науки в изучении целостности современной культуры, искусства и человека как субъекта эстетической деятельности.

Обращение исследователей к древности – частое явление в современной науке. Традиции как проявление мощного творческого потенциала исторической памяти – непереносимое условие развития культуры. В современной культуре как рефлексии самосознания общества возрождается тенденция (в контексте исторического времени), ориентированная на свои корни.

В концептуальном плане автором реконструирует при философско – эстетическом подходе генезис сущности и структуры эстетического сознания человека палеолитической культуры, в связи с которым рассмотрены основополагающие идеи целостности эстетического – гармоничная целостность, целесообразность и целеполагание, мера совершенствования социального бытия во всеобщей эстетической формообразующей жизнедеятельности древних людей. Сущность эстетического сознания человека полнее раскрывает познание конкретно-исторические связи с развитием общественной практики. Тайны онтологии человеческого мышления, имеющего биологический, психический, социальный и культурный аспекты, и сегодня ставят проблемы генезиса сознания, эстетического

чувства, искусства, религии в разряд трудно разрешимых проблем со всеми вытекающими отсюда особенностями концептуальных построений и гипотез, с их рефлексирующей интонацией. Признание онтологического статуса эстетического сознания как феномена и проблемы его генезиса означает выявление родовой сущности человека. Становление сущности и структуры эстетического сознания сокрыты в глубинах «мифообразующих» структурных элементах бессознательного, потаённых взаимосвязанных смысловых сцеплениях. «Они уходят своими корнями в примитивный первозданный мир с духовными предпосылками и обусловленностями, которые мы можем наблюдать ещё и сегодня у оставшихся примитивных народов»⁶¹. Автор рассматривает мифологию как развивающееся мышление. Мифомышление проявляет определённые уровни отражения: а) отражение – восприятие; б) отражение – познание; в) отражение – знание; г) отражение – понимание.

Выявление способностей субъекта деятельности в реальном историческом процессе помогает обозначить специфику объектно – субъектных отношений. Тем самым определить наличные материальные природно – биологические предпосылки возникновения эстетического сознания у человека в его преобразующей творческой деятельности. «История жизни есть процесс становления сознания, скрытого морфологией» (Т. де Шарден). Актуальность данного методологического положения можно проследить, рассматривая концепцию об архетипах К. Юнга, согласно которой человек не рождается абсолютным *tabula rasa*, его структура мозга является результатом длительного развития предков. Сформированные факторы бессознательного в анатомии предыдущих предков является необходимостями для нас, заявляя о себе в виде человеческих потребностей. Содержательные доминанты коллективного бессознательного автоматизируют обусловленные примитивные врожденные возможности, направленные на воссоздание вербально осознанных чувственно наглядных культурных представлений для душевной гармонии человека. Тем самым человек рождается со сложными задатками духовной предрасположенности в развитии памяти содержательной основы целостности эстетического сознания.

Исследовательское поле в современной эстетической науке в методологическом плане выражается в углублённом познании оснований креативных возможностей субъекта эстетической

---

⁶¹ Юнг К. К пониманию психологии архетипа младенца // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США-М.- СПб.: Университетская книга, 2000. С. 132.

деятельности, выявлении технологии прояснённого сознания. Его активность в практической деятельности выявляет и непосредственно соотносит объекты и явления действительности, эстетически значимые, со своими потребностями и интересами. Гармоническое освоение выразительных форм бытия пространственно-временного континуума вызывает при восприятии глубокий целостный эмоциональный отклик у субъекта эстетической деятельности. Возникающий познавательный интерес к структуре гармонии (иных эстетических качеств) формирует в эстетическом сознании субъекта (в относительном разделении) уровни образных и вербальных моделей. Соорганизованная «дискурсивная целостность» воспринимаемого объекта в социокультурной традиции означает понятийную и логическую деятельность в противовес бытию непосредственно чувственному, интуитивно-созерцательному, что концептуально обосновано в современной эстетической науке.

Согласно авторской позиции эстетическое – это целесообразная целостность формообразующей деятельности людей, а его модификация прекрасное зависит от духа времени. Нейропсихологический подход к эстетике начался с возрождения когнитивной психологии, приведшей к более динамическому представлению о функциях головного мозга. Кроме того, интерпретация эстетического переживания зависит от философской точки зрения на душу и тело человека.

Неопределенность взаимосвязи между биологическими факторами и эстетическими предпочтениями вытекает из представления о трех уровнях эстетической оценки. Эстетические реакции уже выявляются на уровне а): базисных механизмов восприятия (нейрофизиологических основаниях – ощущение формы, света, ритма, величины), общих для человека и других высших позвоночных; б): дальше вступает в действие видоспецифические процессы кодирования сенсорных сигналов (изменение окраски у хамелеона; человеческий тип организма «художника» или «мыслителя»); в): затем модель регулирования поведенческих актов, принятых в той или иной культуре (социокультурные ценности добро, истина, красота, творчество). При этом эстетические предпочтения на основе реакции одного уровня будет игнорироваться при оценке на другом уровне кодирования в зависимости от личной истории человека. Например, ритуальные отношения к эстетическому в произведениях искусства в доисторическое время (магическая обрядность танцевальных сцен) было связано с психофизиологическим удовольствием, а эстетически верное

понимание подлинно художественной вещи связано с формированием эстетического отношения и эстетического сознания (духовное наслаждение). В этом плане уместен вывод физиков, что «через человека природа может наблюдать сама себя», а через эволюцию искусства можно наблюдать отражение природы в мозгу человека, его нейроэстетические возможности восприятия эстетических ценностей (прекрасного, красоты, возвышенного, изящного).

Разумеется, что творческое мышление субъекта эстетической деятельности выражает различный материал тезауруса при отражении природных и социальных реалий. Известно, что познание закономерностей нередко интуитивно открытых опережало их осознанно-логическое постижение. Возросший уровень познания чувственно развивающего человека явился итогом развития когнитивных предпосылок, способствующих образованию рациональных механизмов аналогии, анализа, индукции, принципа соответствия. «Лежащие в основе правил выводы – императивы, по-видимому, носят врожденный характер и закреплены в нашем генетическом наследии»⁶². В эстетической интуиции как факторе универсальной гармонии и целостного адекватного отражения в снятом виде представлены цели и результаты предварительной мыслительной деятельности, которая в сознании проявляется как интенциональный акт. В интеллектуальном акте выделяются два аспекта, внутренне присущий сознанию интенциональный объект и способ данный субъекту познания (рефлексия, воображение, фантазия). Так мог формироваться перцепт - интуитивно осознаваемая совокупность образов, а смысловая программа формирования пространственных конструкций именуется концептом. Выявление с научной позиции механизма данной программы способствует формированию гуманитарной технологии познания основ креативных возможностей субъекта эстетической деятельности. Исследователи Ф.Тернер и Э. Пёппель выявляют общеизвестные особенности, которые вместе взятые составляют сложную и непривычную картину деятельности человеческого сознания (мозга)⁶³:

1. На исходном уровне отдельных нейронов информация перерабатывается по-прокрустовски (миф о прокрустовом ложе). Это означает, что человек сводит сигналы из окружающего мира к своим собственным категориям и воспринимает лишь то, что прямо отвечает на вопросы, которые он сам способен задать (принцип трубки Шеннона). В мозге имеется программа по предотвращению ошибок

---

⁶² Меркулов, И. П. Когнитивная эволюция. М., 1999. С. 133–134.

⁶³ Тернер Ф., Пёппель Э. Поэзия, мозг и время // Красота и мозг: Три вечных наслаждения. М., Мир, 1995. С. 73 – 79..

(что можно, а что нельзя). Человеческое восприятие электромагнитных полей избирательно. На поступление любой «непоходящей» информации нейрон попросту не отзывается. Наш мозг отвечает только на его собственные вопросы: «из чего состоит свет – из волн или из частиц?». Это знакомый прокрустовский вопрос из области квантовой физики навязывает в действительности определенность и достоверность, которыми она исходно не обладает. Такая настоятельная потребность однозначности (истинности) укорена в наших нейронах. Важно выяснить все внутренние связи системы мозга, например, память – самое таинственное у человека⁶⁴.

2. Переработка информации в нашем мозгу детерминативна. Человеческий мозг требует определенности и тем самым «пересиливает вероятностную, чуждую детерминизму природу большинства первичных, элементарных архаических составляющих Вселенной (а также архетипов по К.Юнгу).

3. Нервная система человека предрасположена к привыканию (габитуации). Однако, вопреки своим описанным «консервативным» склонностям, она особенно хорошо приспособлена для регистрации различий и потому склонна не замечать повторяющихся и ожидаемых раздражителей и гораздо энергичнее реагирует на новое и неожиданное. В пространстве она видит контрасты и линии раздела, по времени – видит движения и слышит изменения звука (напомним о восприятии красоты человеком, ее новизны).

4. Нервная деятельность человека отличается синтетической направленностью. Она ищет форму даже там, где формы нет вовсе (природная тяга человека к упорядоченности, согласованности). Возникает важный онтологический вопрос: а не начинается ли существование определенных форм с того, что мы их постулируем? (это априоризм И.Канта, его эстетики).

5. Нервно – психические процессы не пассивны, а активны. Нервная система человека, отражающая действительность энергична адаптируется к противоречивым фактам (интенциональные акты человеческой психики). Мозг – не только орган познания, но и орган действия.

6. Нервная деятельность предсказательна. Различного рода предсказания проверяются с помощью органа чувств, когда она экстраполируют добытое о ближайшем мгновении или о более отдаленном будущем (опережающее мышление и акципетр П.

---

⁶⁴ Пригожин И. Очеловечивание человека, креативность природы и креативность человека / Вызов познанию: стратегия развития науки в современном мире. М., Наука, 2004.

К.Анохина). Велика роль прогностического видения у человека. У большинства животных сенсорные сигналы в основном рефлекторно запускают надлежащее инстинктивное поведение, а у человека его чувственное восприятие существует для того, чтобы проверять его пророчества (напомним об экстрасенсах, ясновидящих).

7. Переработка информации в нашем мозгу организована иерархически. В нейронных «колонках» сенсорной коры правдоподобный образ действительного мира (образы правого полушария мозга) воссоздается данной системой нервных клеток. Этот процесс состоит в своем усложнении из более простых нейронных сервомеханизмов. Этим иерархическим системам приходится интегрировать (целостно согласовывать) самую разнородную информацию. Для согласования (упорядоченности, гармонизации, соразмерности) деятельности элементов этих систем нужен нервный ритм (наличие его в определенном геноме, в чувственном конкрете), под контролем которого объединяется вся необходимая информация. Например, в зрительной системе многообразные сигналы, отражающие различные детали яркости света и цвета, пространственной глубины синхронизируются в целостный зрительный образ, личные сообщения. «Итак, именно гаптические аппараты обеспечили родовому человеку тренинг способности к линейно – дискретным построениям. В гаптических кодах навык линейно – дискретного конструирования доводился до автоматизма: отпечатывался в матрицах долгосрочной памяти, становился культурно наследуемым достоянием. Нервной организации человека присуще сильнее фиксировать то, что повторяется чаще. Именно в силу миллионнократного повторения гаптические коды эволюционировали в утилитарную орудийную деятельность. Опирающаяся на гаптические коды конструктивная деятельность, разворачивающаяся в трехмерном пространстве, экземплифицировала (“оединчивала”) когнитивные образы, делали их проверяемыми “здесь и теперь”. Многократные проверки когнитивных образований, представленных в телесном виде, делала их коммуницируемыми, передаваемыми от человека к человеку, а приобретающие коммуникативную функцию гаптические коды превращались в наследуемую форму культуры»⁶⁵.

8. Работа мозга по своей сути ритмична (интеллектуально, эмоционально, психологично). Известно, что ритмы могут возбуждать и усиливать нервную систему человека вплоть до достижения

---

⁶⁵ Режабек, Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ) [Текст] / Режабек Е. Я. – М.: Едиториал, УРСС, 2003. С. 77.

необычных субъективных состояний (катарсис, озарение, экстаз, истерика и пр.).

9. Деятельность мозга может включать самовознаграждение. На уровне психофизиологического удовольствия в мозгу имеются участки, способные реагировать на различные гормоны (энкефалины, эндорфины). Синтезом и выделением всех этих веществ сам же мозг и управляет. На уровне духовного наслаждения, включая умственные и эмоциональные ресурсы человека, можно получить положительные эмоции (по теории П.В.Симонова) с помощью эстетического воспитания и добиться формирования идеалов и высших ценностей человека – таких как, истина, добро и красота.

10. Неотъемлемое свойство мозга – рефлексирование. В пределах своей целостной организации он сам себя настраивает и сам себя организует, то есть сознание человека находится в противоречии между мозгом как наблюдателем самого себя и мозгом как предметом наблюдения. В отличие от компьютера путем интроспекции он может изучать свою собственную работу, может переместиться на информационный вход и даже сделаться программой.

Наша нервная деятельность по своей сущности социальна. Она не – отделима от человеческой культуры, ибо призвана служить человеку. Созидая социальные ценности, человек опирается на наследственные потенции – способность к возбуждению, ориентации, вниманию и мотивации. «Интеллектуальные интенции можно определить как целесообразные действия сознания, способные привести к искомому результату. Ценность и устойчивость действий заключена в их эффективности. Очевидно, что в это понятие входит как ”интуитивное озарение”, прыжок через ряды смыслов, так и способность к анализу и синтезу в целях получения искомого результата. Способность к интеллектуальным интенциям свойственна всем людям. Различна лишь их интенсивность»⁶⁶.

11. По мере созидания социокультурного окружения, развиваются новые способы использования мозга глубоко изменяется и само человеческое общество. Так на ранних стадиях эволюции человека новым инстинктом стала речь по мере формирования в коре мозга сложных сетей, способных тонкому управлению локализацией. Важным социокультурным последствием стало изобретение письменности (цивилизация Гуттенберга). Чтение стало своего рода

---

⁶⁶ Суворов Н.Н. Интеллектуальные интенции как архаические стратегии // Материалы всероссийской конф. «Гармония и хаос: этико – эстетические аспекты», Санкт – Петербург, 17– 18 нояб. 2006. Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ: СПб.: Санкт – Петербургское философское общество, 2007. №2. С. 258.

новым синтетическим инстинктом. При обучении чтению входная информация рефлексивно преобразуется в программу, материализуется в виде новых нейронных механизмов мозга (например, чувство ритма стиха, гармония музыки) и включается в систему нервных путей в качестве «культурной петли». В современном мире использование техники стало дополнительной стороной развития нервной системы человека, её использование (наноэстетика).

12. Нашему мозгу свойственна специализация полушарий, т.е. полученная информация, перерабатывается по-разному. Это одно из самых интересных открытий современной науки о мозге. Известно, что правое полушарие «эмоциональное», в котором заложены способности к художественному отражению и творчеству, а левое «рассудочное», владеющее логикой и абстракциями. Нейрофизиологи утверждают, что левое полушарие располагает информацией в ином порядке (дискретно), а правое – временную информацию в порядке пространственном (целостно – образно). Однако в творческом процессе они взаимопроникают, создавая стереоскопическое постижение глубины отражения и преобразования. Два вида мозга – одно сознание!

13. Переработке информации свойственно калогенность (от греческих слов: «калос» – прекрасный и «генезис» – порождение). В этом случае нервная система человека может повысить синтетическую силу человеческого разума при построении правдоподобных внутренне не противоречивых компактных (гармоничных, согласованных) моделей окружающего мира, обладающих предсказательной силой. Обладая адекватностью отражения действительности, она выходит за пределы известных фактов и описывается эпитетами, как «изящное», «красивое». Тем самым в ней проявляется человеческая культура, эстетический и художественный вкусы, вдохновение и, согласно нашей позиции, невралогические и биохимические особенности человеческого организма (тела), сформированного древними архаичными и примитивными обществами (культурами).

Итак, современной нейрофизиологией установлено, что субстанциональная основа мозга чувствительна к рассогласованию программ поведения, с его результатами. При рассогласованности возникает состояние напряжённости, дискомфорта, возможного стресса, которые могут разрешены с изменением программы или приведением поведения в соответствие с программой, утверждающую гармонию. Если полученный результат поведения функциональной

системы совпадает с врождённым акципетром действия, то данное поведение прекращается. Целостное понимание проблемы должно рассматривать фундаментальное единство процессов, лежащих в основе всех функций человеческого организма. Оно формирует новый образ мышления. Выявление логического стержня данной проблемы указывает на единство сознания и деятельности, психических процессов и движения, когда происходит интериоризация во внутреннюю деятельность человека. Эстетическое отношение в своем генезисе выражало некоторое универсальное, целостное историческое состояние общества и конкретного человека, развитие гармонии материальной и духовной практики. Выявление логического стержня данной проблемы указывает на единство сознания и деятельности, психических процессов и движения, когда происходит интериоризация во внутреннюю деятельность человека. Эстетическое отношение в своем генезисе выражало некоторое универсальное, целостное историческое состояние общества и конкретного человека, развитие гармонии материальной и духовной практики.

Петрухина О.В.

г. Новосибирск

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: В статье исследуется проблема формирования романтического мировоззрения, как способа реализации и развития в современном обществе целостно-развитой личности. Исследование опирается на такое явление европейской духовной культуры как романтизм и идеи, сформулированные мыслителями этого периода (Ф. Шеллингом, А. Шлегелем, Ф. Шлегелем, Новалисом, Ф. Шлейермахером). Отмечается важная роль романтической эстетики (музыки, поэзии, художественного искусства) в обогащении духовного мира личности.

Ключевые слова: романтическое мировоззрение, романтизм, целостно развитая личность, эстетика романтизма.

THE ISSUE OF HUMAN'S ROMANTIC OUTLOOK CREATION Petrukhhina O.V

Abstract: This article reveals the research of romantic outlook as a way of implementation into modern society for holistic-developed identity. The research is based on romanticism and ideas of such thinkers as F. Schelling, A. Schlegel, F. Schlegel, Novalis and F. Schleiermacher. The important role of romantic aesthetics (music, poetry, arts) in individual's spiritual world enriching is noticed.

Key words: romantic outlook, romanticism, holistic-developed identity, aesthetics of romanticism.

Романтизм – это душа

В.А. Жуковский

В условиях современного техногенного общества, ориентированного на прагматические установки, мы имеем массы проблем социального, экологического, культурологического, эстетического и экзистенциального характера. Прагматичное время

обострило конфликт между личностью и обществом (проблема отчуждения человека от межличностных взаимоотношений), поставило под вопрос существование человека как личности (человек как безличная функция в обществе); чрезмерная специализация привела к односторонности развития современного человека (возник «*homo technicus*»). И на вопрос «кто виноват?», мы находим, что сама проблема заложена в глубине человека, в его экзистенции: современный молодой становящийся человек, не обогащает свою духовно-чувственную сферу, а развивает только умственные способности (технические, математические). Отсюда мы и получаем человека с ограниченно развитой душой. Данная рациональная односторонность развития имеет негативные последствия как для самого человека, так для культуры и общества в целом. Мы получаем специалиста, который не задумывается о том, что его изобретения, деятельность могут нести и негативные последствия. Поэтому, обращение к такому понятию как «романтическое» нам видится весьма актуальным.

Целью формирования романтического мировоззрения является попытка, с помощью возрождения положительных романтических установок, заложить фундамент в развитии целостно развитой личности. Личности, сочетающей в себе развитый ум и духовно-чувственную сферу - это человек более совершенный: внутренне свободный, духовно богатый, с творчески ориентированной установкой, в первую очередь, на смысл, а не на пользу в жизнедеятельности.

В своей попытке найти «почву» для романтического в современной действительности автор обращается к такому явлению исторического порядка как романтизм, где понятие «романтическое» получило наиболее полное выражение.

Что же такое романтизм? Давая ему определение, многие авторы лишь выделяют его отдельные черты и признаки: «идеализм, доведенный до высокого культа личности» (И.И. Замотин), «индивидуализм» и «субъективизм» (П.С. Каган, В.В. Сиповский, П.С. Гуковский), «отрешение от реальной действительности» (П.Н. Сакулин), «утверждение идеала» (Н.К. Гей), «интуитивное познание действительности» (У.Р. Фохт)⁶⁷. Ф.Л. Лукас в своей работе⁶⁸ упоминает о 11396 определениях романтизма. По нашему мнению,

---

⁶⁷ Соколов А.Н. К спорам о романтизме / А.Н. Соколов // Проблемы романтизма. Вып.1. М., Искусство, 1967. С. 26-31.

⁶⁸ Lucas F.L. The Decline and Fall of the Romantic Ideals / F.L. Lucas. – Cambridge: Cambridge University Press, 1948. P. 248.

сложность формулирования определения для данного феномена заключается в том, что в центре философско-эстетической концепции романтиков стоит человек - как свободная личность, находящаяся в постоянном развитии; личность, творящая как саму себя, так и мир вокруг. Поздний Ф. Шеллинг дал одно из самых глубоких определений для романтизма: «Прекрасное было время... человеческий дух был раскован, считал себя в праве противопоставлять всему существующему свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, а о том, что возможно»⁶⁹. Для романтизма важно возможное, а не действительное. В возможном скрыты еще не реализованные идеи.

Для более глубокого осмысления романтизма важно выяснить в концептуальном понимании его объективный смысл, сообразуя с исторической эпохой и реальными социальными условиями. Возникновение романтизма связано с антипросветительским движением в обществе XIX века (в разочарованиях в социальном, промышленном, политическом и научном прогрессе). Романтизм – это протест против подавления человека буржуазной цивилизацией с ее тоталитаризмом, мещанством, чрезмерным рационализмом, против редуцирования человеческой личности (связанной с техницизмом, прагматизмом, примитивизмом), против обеднения духовного мира личности и против всеобщей продажности. Зародившись в Германии как литературное течение, в дальнейшем он распространился по всей Европе и Америке, охватив все сферы культурной деятельности. Его главные теоретики – философы, филологи, историки, писатели и поэты йенского кружка (А. Шлегель, Ф. Шлегель, Новалис, Ф. Шеллинг, В. Вакенродер, Л. Тик, Ф. Шлейермахер).

Центром художественной системы романтиков является человек как личность (духовно-душевно-телесная). Стоит отметить, что до романтизма человек рассматривался в основном как природное или социальное существо, яркий тому пример, философская антропология просветителей. П.А. Гольбах писал: «Человек, - есть чисто физическое существо... Все наши идеи, желания, действия, есть необходимый результат сущности и качеств, вложенных в нас природой»⁷⁰. Душа, по мнению Ж.О. де Ламетри – это лишенный содержания термин, который здравый ум обозначает ту часть нашего организма, «которая мыслит»⁷¹. Данная философия просвещения нашла свое выражение и в нашей современной действительности. Сейчас в философии остро

---

⁶⁹ Проблемы романтизма. Сборник статей. Под редакцией А.М. Гуревича. V/? Искусство. 1971. С. 6.

⁷⁰ Гольбах П.А. Избр. Произв. В 2 т. Т.1. М., Соц.-экон. Лит., 1963. С.60.

⁷¹ Ламетри Ж.О. Соч. М., Мысль. 1976. С. 226.

стоит вопрос о «смерти субъекта», человек воспринимается как безличная функция общества («одномерный человек»). Происходит утрата духовных оснований в человеке. Романтизм, по нашему мнению, должен помочь в преодолении этих деструктивных явлений.

Основной путь решения проблемы становления человека как личности, романтики видели в преобразовании его внутреннего (душевно-духовного) мира. Разум (дискурсивное мышление), как отмечали романтики, это только одна из сторон духовного мира человека и его культивирование приводит к одностороннему развитию личности («частичному», «одномерному», «фрагментарному»). Философия образования романтизма, в первую очередь, связана не с процессом познания, а с процессом возвращения, утраченной в современной цивилизации, человеком целостности (через самопознание и самосознание себя субъекта как творческого существа). При этом стоит отметить, что роль разума в романтическом миропонимании несколько не занижается, ибо в разуме, по мнению романтиков, заложена метафизическая потребность глубинного познания, сила ее стремления. В данном суждении разум господствует над рассудком.

Главное достоинство романтического мировоззрения состоит в том, что оно имеет целостный характер, с помощью него мы понимаем мир не рассудочно поверхностно, а разумно целостно, с развитыми эстетическими чувствами. Идеи, с помощью которых, по нашему мнению, будет формироваться в сознании личности романтическое мировоззрение, мы находим в трудах романтиков. В первую очередь следует отметить романтическую эстетику – литературу, искусство, музыку, это есть именно то, через что, по мнению романтиков (и по нашему мнению тоже), должно произойти художественное преображение и спасение мира в практической деятельности.

Наивысшим из искусств романтики считали музыку, и полагали, что через нее нам может быть доступна тайна жизни, ее красота. Музыка, по их мнению, есть стихийная энергия творящей жизни. Романтики всюду взывали к музыкальности, к лиризму: в стихах, в живописи, в прозе. В описании человеческой личности, они, прежде всего, передавали его душевную настроенность, как музыкальную тональность. Р. Вагнер в опере «Парсифаль» - выразил свою мечту о сочувствии и сострадании как основе человеческих взаимоотношений. Главная идея оперы заключается в трех душевных переходах, которые должен был пройти Парсифаль чтобы стать способным исцелить смертельную рану короля Грааля Амфортаса: от страдания – к знанию, от знания – к состраданию, от сострадания – к любви.

Романтическая идея идеальной любви – это любовь не в узком религиозном, природном или эротическом плане, а любовь как онтологический принцип жизни, которая выступает универсальной миротворящей силой. Романтическая любовь «предполагает растворение личностей и индивидуальностей друг в друге, поскольку наивысшей целью любви является единство вообще и единство с гармонией»⁷². В этом единстве исчезает стремление к обособлению (проблема отчуждения современного человека) и доминирующей становится идея общности бытия. По мнению романтиков, через простую любовь к женщине, можно воспитать любовь до вселенского уровня и обрести гармонию с универсумом. Цель романтической философии – развить и воспитать в личности способность любить.

Внося лирическое начало во все области искусства, романтики использовали главное орудие лирики – стих. Поэзия – лирична, поэтому практически все романтики йенского периода были стихотворцами: Ф. Гельдерлин, Новалис, Л. Тик, Ф. Шеллинг. Поэзия – это музыка и живопись в словах. Как отмечают романтики, поэзия неразрывно связана с философией: «они обе действуют в речи, в общем органоне всех людей, вследствие чего они находятся в тесной связи с жизнью»⁷³. Главное предназначение романтической поэзии, как отмечает Ф. Шлегель, «объединить все обособленные роды поэзии и привести поэзию в соприкосновение с философией...», а также сделать «поэзию жизненной и общественной, а жизнь и общество – поэтическими»⁷⁴. Цель романтической поэзии – пробудить у людей поэтические чувства, так как сама жизнь в своей основе поэтична.

Приобщение к романтическому искусству задевает высшие струны в душе человека, заставляет его заглянуть внутрь себя, задуматься о своей высшем предназначении. Так о зрителе пейзажей романтического художника К. Д. Фридриха, можно сказать, что у него как бы «срезаны веки»: он весь мир, т.е. он смотрит на мир целостным взглядом. В его программном произведении «Четыре возраста жизни» представлен неумолимый ход времени, а именно, все произведение пронизывает чувство меланхолической ностальгии, с нотками тоски по скоротечности жизни; каждый объект (как одушевленный, так и неодушевленный) наполнен эмоциональным содержанием, везде в нем как бы отражается душа. Как говорил Н. Бердяев, только художник выходит за свою конечную телесную оболочку, творя новое бытие, вкладывая свою душу в творение. Здесь и осуществляется главная

⁷² Садунова, Н. В. Философия любви немецкого романтизма : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / Н. В. Садунова. Тверь, 2009. С.13

⁷³ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика / Ф. Шлегель // В 2 т., Т.2. М., Искусство, 1983. С.40.

⁷⁴ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика / Ф. Шлегель // В 2 т., Т.1. М., Искусство, 1983. С. 294.

цель романтиков: выявление из конечной сущности человека его бесконечной души.

Проблема формирования романтического мировоззрения восходит к повторенному историзму прошлых веков. Ее истоки в своем развитии неизбежно накопили концептуальные наслоения. Далее нами делается попытка осмысления данного феномена романтизма в контексте реализации различных идей: особого отношения к природе, к прошедшим эпохам, к мифу, к другим культурам, к культуре детства.

Природа для романтиков не просто источник материальных ресурсов, а в первую очередь, прекрасное творение, вызывающее эстетическое наслаждение, согласно предустановленной гармонии В.Лейбница. В натурфилософии Ф. Шеллинга – природа рассматривается как предкультура, из которой заимствовались идеи для культуры. Для романтиков было важно найти в природе мотивы, заглушенные и извращенные культурой, вернуть их к правильному развитию. «Природа и жизнь суть по Шеллингу непрерывное творчество, творя самих себя, они себя же себе открывают, они возвышаются в своем развитии со ступени на ступень, покамест не кончают миром культуры и человека»⁷⁵. Природа есть творчество, она как художник. И задача человека дать немой природе через вербальную, художественную речь выговориться. Отсюда человек для романтиков – продолжатель творческого дела природы через искусство, поэзию, философию. По словам Новалиса, поэт понимает и чувствует природу лучше, чем ученая голова. Ученый аналитически изучает природу, раскладывая ее по частям – чтобы понять, что такое дерево он расчленяет его на ствол, ветки, листья, но в тоже время он «убивает» целостное дерево. А поэт изучает природу как целостный формообразованный организм, созерцая ее красоту. По выражению М. Хайдеггера, человек – не хозяин познанного бытия, а его пастух, творчески созидаящий новое бытие. Романтическая рефлексия включает в себя сохранение первозданной природы, слияние с ней. Экологические проблемы современного общества, явились результатом потребительского отношения к природе, и это значит, что нам есть чему поучиться у романтиков.

Еще один важный момент, который следует отметить в романтизме - это его обращенность к народной культуре, к фольклору, к мифу – романтизм находит в них не пережитки прошлого, а россыпь ценных и мудрых мыслей. Романтизм возвращает творческую мысль к истокам, к корням, говорит о ценности традиции. Встреча прошлого с

---

⁷⁵ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л.,:Художественная литература. 1973. С.24-25.

настоящим – есть источник обогащения и обновления как для настоящего, так и для развивающейся личности. Найти что-то новое у уже существующем, прошедшем, давно забытом – есть особое проявление романтизма, т.е. видеть в очевидном невероятное. Обновить явление – значит приблизить его к прекрасному, так как новое у романтиков тождественно гармонично прекрасному.

Мифу у романтиков уделяется большое внимание, античный и средневековый миф для них особый вид поэзии. Миф выступает неким первообразом, выражением нерасчлененности бытия и сознания. С помощью мифа усиливается внутренний смысл, заложенный в художественном произведении. Романтизм стремился создать свою собственную «новую мифологию» как средство преодоления антиномичности современной культуры, с помощью которой можно восстановить ее целостность. Как отмечает исследователь эстетики модерна К.П. Лиссман, в формировании которой романтизм сыграл не последнюю роль, романтики хотели «с помощью ремифологизированного искусства добиться воплощения идеалов свободы и единства»⁷⁶. В «новой мифологии» осуществляется синтез всех культурных форм и типов сознания, она предполагает создание нового «универсального искусства» в постмодернизме.

Тяга романтиков к другим эпохам, культурам объясняется, как указывал исследователь Н. Берковский, тем, что «Романтики хотели найти историческую реальность, которая вмещала бы без оговорок красоту бесконечной жизни, индивидуальной свободы и вечной новизны»⁷⁷. В своих поисках романтики обращались к восточным культурам, к греческой античности, к эпохе Возрождения. Из последней они заимствовали тему: познание через делание («мы познаем, поскольку мы делаем»⁷⁸). В своей эстетической работе «Система трансцендентального идеализма»⁷⁹. Ф. Шеллинг показывает, что пока мы создаем что-то в области материального делания – мы находимся только в области труда, но когда в нашу деятельность проникает духовное содержание, когда делание становится актом материально-духовным, целостным, личностным – труд преобразуется в творчество. Эстетика Ф. Шеллинга была направлена на преодоление чистого интеллектуализма в эстетике. Если сейчас взглянуть на современное искусство – то можно сказать, что оно пронизано «голым» интеллектуализмом, и обращение к философско-эстетической концепции Ф. Шеллинга нам видится актуальным.

⁷⁶ Лиссман К.П. Философия современного искусства. Введение. Спб., Гиперон, 2011. С.52.

⁷⁷ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., Художественная литература. 1973. С.14.

⁷⁸ Там же. С. 48.

⁷⁹ Шеллинг Ф.В. Система трансцендентального идеализма / Ф.В. Шеллинг // Соч. в 2 т., Т.1. М., Мысль. 1987. С. 227-489.

Романтики одними из первых стали развивать культуру детства, провозгласили культ ребенка и культ детства. В детях они увидели этимологию самой жизни. Как писал Новалис: «Каждая ступень развития начинается с детства. Поэтому земной человек, обладающий наивысшим развитием, так близок к ребенку»⁸⁰. Ребенок – это пучок возможностей, который рассеивается, и теряются позднее, это символ творчества, непредсказуемости, свободы. В программной для романтизма картине Ф.О. Рунге «Мать с ребенком у источника» в верхней ее части изображена утомленная женщина, одной рукой придерживающая беспечного ребенка, протягивающего руки к воде. Образ женщины в картине несет мир земной жизни - она не имеет отражения в воде, а отражены только ребенок и пейзаж, имеющие в себе духовную основу. Нижняя часть картины это как метафорическое истолкование ее верхней части.

Все то, что взрастет в человеке в детстве, к чему воспитается любовь, то во взрослом будущем будет иметь огромное значение. Поэтому, воспитание эстетических ценностей в молодом поколении, основанных, по нашему мнению, на романтическом мировоззрении (являющимся обогащенной формой разумного чувствования и способом переживания жизни) выступает основой для формирования целостно-развитой личности. Как писал А. де Сент-Экзюпери: «все мы родом из детства».

Как можно увидеть из выше приведенного анализа, эстетические идеи романтиков, несмотря на наличие некоторых утопических моментов, не потеряли своей ценности и по сей день. Подытожим, что романтическое мировоззрение выступает критерием оценки современной действительности, основанным на тяготении к идеалу, на духовном максимализме, на предпочтении разумных возвышенных чувств – заниженному рассудку, интуиции – аналитическому разуму, дискурсивному мышлению. И как отмечал композитор-романтик Ф. Лист, в примечании к своей симфонической поэме «Идеалы», что деятельность, направленная на осуществление идеала (в данном случае идеалом выступает целостно развитая личность) – и есть высшая цель нашей современной жизни.

---

⁸⁰ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – Ленинград: Художественная литература, 1973.- С.43

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

И.В. Носова
г.Новосибирск

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ
ПАТРИОТИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ**

Аннотация: В статье рассматривается соотношение понятий патриотизм и гражданственность. Проанализированы подходы к этому вопросу в научной литературе. Выделены функциональные особенности этих феноменов в жизни общества и факторы их формирования. Показаны особенности системы воспитания патриотизма и гражданственности на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, этничность, патриотическое воспитание, ценностные ориентации, патриотическая личность.

**SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF PATRIOTISM AND CIVIL
EDUCATION RUSSIAN YOUNG PEOPLE**

I. V. Nosova

Abstract: The article covers the relationship between the concepts of patriotism and citizenship . The approaches to this issue in the scientific literature are analyzed . The functional features of these phenomena in society and factors of their formation are distinguished . The features of the system of patriotism and citizenship education at the present stage of development of Russian society are shown.

Key words: patriotism , citizenship, ethnicity , patriotic education , value orientation, patriotic person.

Патриотизм и гражданственность – два разных по своей природе, но в тоже время теснейшим образом взаимосвязанных феномена. Они проявляются как социальные характеристики личности и социальных общностей и указывают на качество их социального развития.

В общем виде, патриотизм (греч. patriotes – соотечественник, от patris – родина, отечество) представляет собою интегративную, системообразующую характеристику личности (социальной общности, общества в целом), имеющую генетические корни, отражающую исторически объективно сложившуюся связь человек (общность) – среда обитания и развития и подразумевающую нравственно-эмоциональную связь названных субъектов с комплексом географических, этнических, исторических, культурных, идеологических, эстетических, религиозных и т.п. представлений, выраженных в понятии «Родина», имеющих ценностно-деятельностью природу и проявляющихся в стремлении данные ценности отстаивать, защищать и приумножать.

Как отмечают многие исследователи, впервые слово «патриот» стало широко употребляться в период Великой Французской революции в 1789 году. Патриотами тогда называли себя борцы за народное дело, защитники республики. Если рассматривать этимологическое значение этого греческого слова, то буквальный перевод означает «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, своему народу». Со временем значение этого понятия расширилось, и патриотизм стал обозначать не только нравственные и моральные качества личности, но и выступать принципом, характеризующим отношение человека к Родине, ее прошлому и настоящему.

Гражданственность в свою очередь предполагает в основном динамичную ценностно-правовую связь людей (общностей), как граждан, с определенным государством, реализуемую через их отношение к правам и обязанностям, закрепленным в соответствующих нормативных актах (конституция, законы), а также в обычаях и традициях. Гражданственность развертывается в диапазоне от простого законопослушания до гражданской активности, в критические периоды выходящей за пределы, определяющие устойчивость системы и направленной на ее радикальное переустройство.

Данные два понятия реализуются в контексте этничности, одним из основных признаков которой является самоидентификация представителей одной этнической общности по отношению к другим. В реальности все эти понятия – патриотизм, гражданственность и этничность – взаимосвязаны и находятся в динамическом соотношении и единстве, каждый раз определяемом спецификой момента и характером воздействия комплекса разного рода объективных и субъективных факторов. Их учет имеет решающее значение при формировании систем воспитания и стратегий

социального управления.

Играя существенную роль в жизни людей, обществ и государств, патриотизм был и остается предметом исследования. За истекшие три столетия сложилось несколько основных подходов к его исследованию.

Первый, получивший наибольшее распространение в научно-исследовательской литературе и публицистике, можно назвать возвышенно-деятельным. В соответствии с ним патриотизм трактуется как возвышенное чувство любви к Родине, Отечеству, как сугубо позитивное эмоциональное отражение, проявление в абстрактной форме любви к составляющим понятия Родины. Сила патриотического чувства побуждает человека к активным действиям на благо Родины.

Второй подход трактует патриотизм как общественное явление. Содержание и характер данного явления в значительной степени обуславливаются особенностями исторического развития общества, государства и его правящей элиты.

Третий подход, сложившийся в 60-х – начале 80-х гг. XX века, рассматривает патриотизм как явление общественного сознания, причем с середины 80-х годов стала преобладать тенденция осмысления патриотизма как одного из явлений духовной жизни общества.

Четвертый подход – государственнический или этатистский – характеризуется рассмотрением государства как главного объекта патриотизма. Наиболее полно ее разработал Г.Гегель, согласно которому понимание патриотизма означает стремление к общим целям и интересам государства, будь то интересы личности, группы людей или общества в целом. Государство же выступает главным объектом высших чувств и помыслов личности и выражается в чувстве гордости за державу⁸¹.

Пятый подход – личностный. В нем первостепенная роль отводится личности как высшей ценности. А проявления патриотизма, по словам Г.Флоровского, представляют собой «культурное творчество и национальное напряжение собственных сил»⁸².

Шестой подход – духовно-религиозный, самый древний, рассматривает данное качество личности как акт высокой духовности, являющейся глубоко религиозным.

Патриотизм по своему характеру консервативен и выполняет следующие функции:

---

⁸¹ Гегель. Философия права. М., Мысль. 1990. С. 284.

⁸² Флоровский Г. Избранные богословские работы. М., Пробел. 2000. С.125.

1. Интегрирующую, то есть направленную на объединение большинства нации на основе приоритета интересов общества и государства и ответственную за формирование образа будущего своей страны не только сегодня, но и завтра.

2. Охранительную или защитную. В ее рамках осуществляется формирование и развитие того, что определяется как национальная безопасность.

3. Стабилизирующую, то есть придающую прочность и устойчивость социальной, этнонациональной и государственной системам во всех их основных звеньях (языке, культуре, стереотипах поведения, нравственных и правовых нормах и т.д.).

4. Регулирующую, то есть определяющую характер реакций на внешние воздействия и влияющую на характер вновь складывающихся связей и отношений во всем их многообразии.

5. Воспитательную, воздействующую на целенаправленную деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества с целью придания им определенного смысла и направленности.

Исследования убедительно показывают, что патриотизм в связке с гражданственностью и этничностью играет роль скрепляющего общества фактора, который нейтрализует негативные явления и процессы и выступает мощным стимулом позитивного развития личности и общества в целом.

Проблема воспитания патриотизма у молодежи являлась предметом постоянного внимания на протяжении всей многовековой истории развития отечественной мысли. Огромный духовный потенциал патриотической темы берёт свое начало в письменных и устных творениях Древней Руси. Поколения российских общественных деятелей увидели в ней нравственно-организующее начало жизни русского народа, понимая ее как идею отечественного единения и согласия, идею защиты родной земли, идею равноправности народов, идею морального долга перед обществом, идею ответственности за судьбы Отечества. Это позволило академику Д.С. Лихачеву сделать вывод, что патриотическая идея прочно закрепляла моральные заповеди человеколюбия и добродетели как основы стремления человека к общему благу Отечества⁸³.

По мере развития общественной мысли эта идея трансформировалась, видоизменяя содержание самого понятия «патриотизм». В силу этого мы можем утверждать, что содержание патриотизма и его направленность определяется духовным и

---

⁸³ Лихачев Д.С. Русская культура. М., Искусство. 2000. С.213.

нравственным климатом общества, его историческими корнями, питающими общественную жизнь поколений.

В современной российской общественно-политической мысли идет постоянная дискуссия о мифах и реалиях патриотизма, о чем свидетельствуют статьи в научных журналах. О сущности русского патриотизма, о том, какую политику можно считать патриотичной, а какую нет, спорят представители политических партий.

Особое значение идея патриотизма приобретает в моменты социальных и политических изменений общественной жизни, когда объективные тенденции развития общества сопровождаются повышением напряжения сил граждан: войны, нашествия, социальные конфликты, революционные потрясения, обострение кризисных явлений, борьба за власть, стихийные или иные бедствия. В такие периоды патриотическая идея реализуется в высоких и благородных поступках, характеризующихся особой жертвенностью во имя своего народа, своей Родины.

Современная ситуация развития российского общества оценивается специалистами как кризисная, что, с точки зрения воспитания подрастающего поколения, связано с потерей нравственных ориентиров. В этих условиях обращение к идее патриотизма может стать той ценностной основой, на которой возможно формирование и развитие личности российского гражданина.

За последнее время вследствие обострения кризисных явлений в социально-экономической, политической, культурной и др. сферах общественной жизни произошел резкий спад в деятельности по воспитанию подрастающего поколения, от которого во многом зависит будущее России. Большую тревогу вызывает одно из ключевых направлений этой деятельности, связанное с созданием условий для воспитания и развития личности гражданина и патриота России, готового и способного отстаивать ее интересы.

По данным социологических исследований в российском обществе значительно изменилось отношение к таким непреходящим ценностям, как Отечество, патриотизм, верность героическим традициям, память к павшим за Родину, долг, честь, достоинство, знание истории своего народа, готовность к самопожертвованию и др. Акценты в социально-нравственных ориентирах значительной части общества, особенно молодежи, резко сместились в сторону прагматизма и конъюнктуры с ярко выраженными проявлениями эгоистичного, антисоциального и антигуманного характера. На практике это проявляется в том, что многие молодые люди относятся к

выполнению важнейших гражданских обязанностей безответственно, проявляют социальную незрелость и бездуховность, нетерпимость и даже агрессивность, одной из форм которой является прогрессирующая подростковая преступность. Естественно, что общество, важнейшие государственные институты которого страдают тяжелейшими недугами, не имеет условий для нормального развития.

Деятельность социальных и государственных институтов, организаций и ведомств, участвующих в решении этих задач, но не имеющих научно-обоснованных, соответствующих современным реалиям концептуальных подходов и установок к проблеме патриотического воспитания, характеризуется неопределенностью и бессистемностью, в лучшем случае проявляющихся в проведении мероприятий второстепенного плана. За последнее время механизм координации и организации деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и военного управления по воспитанию подрастающего поколения на всех ее уровнях окончательно разладился, а используемые и затрачиваемые средства дают все меньший эффект. Одна из причин этого - отсутствие общей стратегии в осуществлении патриотического воспитания и резкое ослабление управления важнейшими звеньями и механизмами этой деятельности со стороны высшего руководства.

Вопрос о ключевых принципах и подходах к формированию системы патриотического и гражданского воспитания молодежи, имеющего в качестве главных целей, как развитие социальной активности молодежи, так и профилактику негативных проявлений в сознании и поведении молодежи, в современных условиях приобретает весьма важную роль. Речь идет о создании не просто конгломерата форм и видов воспитания, объединенных общими целями, а системы, которая стала бы предметной основой общественно-государственной системы как социального института. А поскольку данный институт должен осуществлять свою деятельность в системе социальных координат, постоянно соприкасаясь с проблематикой прав и свобод личности, а также с деятельностью различных социальных институтов, целесообразно ставить вопрос о законодательном обеспечении его действий в виде закона РФ о воспитании и воспитательной деятельности.

Об актуальности данной проблемы говорит тот факт, что она постоянно обсуждается на разных уровнях власти, в СМИ и рядовыми россиянами. Совет министров РФ принял постановление «О патриотическом воспитании граждан РФ на 2006-2010 гг.» Однако степень разработанности данной проблемы на современном этапе не

достаточна. Сегодня понятие «патриотизм» требует иного уровня осмысления. Это объясняется активным возрождением национальных традиций на новом уровне, изменением концептуальных подходов в обучении и воспитании подрастающего поколения.

Представляют большой интерес ответы россиян на вопрос социологического исследования: «Каковы ваши предложения и пожелания по совершенствованию патриотического воспитания?»⁸⁴. 64% респондентов поддержали пункт «улучшение условий жизни населения (создание рабочих мест, повышение зарплаты, предоставление жилья)», 60% указали на необходимость функционирования системы патриотического воспитания в детском саду, школе, институте, семье, 55% подчеркнули важность поднятия престижа страны, 44% отметили, что нужно создавать больше патриотических фильмов, художественной литературы, песен. Однако ответы молодежи на этот вопрос значительно отличаются от мнения старшего поколения. Так лишь 40% 18-30-летних считают необходимым осуществление патриотического воспитания через воспитательные и образовательные учреждения, тогда как среди ветеранов таковых – 80%, а людей среднего возраста – 60%. Наблюдается явная недооценка роли военно-патриотических музеев в патриотическом воспитании: их важность отметили только 8% молодежи, 28% старшего поколения. И только самое старшее поколение по достоинству оценило их роль – 64%.

С точки зрения философии, патриотическое воспитание определено с позиций культуры, нравственности, ценности, гуманизма, человеческой деятельности. К настоящему времени изучен широкий круг вопросов, связанных с патриотическим воспитанием. В педагогической науке раскрыто содержание, принципы и методы воспитания патриотизма (В.А. Сухомлинский и др.). Выявлена взаимосвязь патриотизма с русской национальной культурой (К.Д. Ушинский и др.). Изучен вопрос о патриотическом воспитании в рамках создания и самоопределения русской школы, в основе которой лежит Русская идея. (Е.П. Белозерцев и др.). Активно разрабатывается новое направление, опирающееся на общечеловеческие национально-культурные ценности (М.К. Андреева, Е.В. Бондаревская, О.С. Газман, С.В. Казначеев, В.А. Караковский, Д.С. Лихачев, В.А. Сластёнин, А.В. Мудрик, Н.Е. Щуркова и т.д.).

Представляется, что в качестве целей воспитания можно в целом принять предложенные специалистами НИЦ при Институте Молодежи (Москва) в «Концепции воспитания жизнеспособных

---

⁸⁴ Флоровский Г. Избранные богословские работы. М., Пробел. 2000. С. 160.

поколений», такие положения, как: формирование национального самосознания, гражданственности, патриотизма, уважения законности и правопорядка, внутренней свободы и чувства собственного достоинства; ориентация личности на гуманистические установки и смысложизненные ценности в новых социально-политических и экономических условиях, определение своего места и целей жизнедеятельности, формирование самосознания и гуманистически направленных высших потребностей; воспитание потребностей молодежи к освоению ценностей общечеловеческой и национальной культуры, формирование эстетических ценностей и вкуса, стремление к созданию и приумножению ценностей духовной культуры, участию в культурной жизни российского общества; приобщение молодежи к общечеловеческим нормам морали и национальным традициям, кодексу профессиональной чести и моральным ценностям соответствующих социальных слоев и групп, воспитание адекватной самооценки результатов своей деятельности; выявление и развитие задатков, формирование на их основе общих и специфических особенностей, индивидуальности личности, возвышение ее творческого потенциала и способности к саморазвитию; воспитание потребности к труду как первой жизненной необходимости, высшей жизненной ценности и главному способу достижения жизненного успеха, целеустремленности и предприимчивости, конкурентоспособности во всех сферах деятельности; воспитание потребности к физической культуре и здоровому образу жизни, стремления к созданию семьи, продолжению рода, материальному обеспечению и воспитанию нового поколения в духе гуманизма и демократии.

В качестве основных принципов воспитания авторы рассматриваемой концепции предлагают и раскрывают: гуманизм, духовность, демократизм, патриотизм, конкурентоспособность, толерантность, индивидуализацию, вариативность.

В итоге авторы концепции пытаются сформировать модель жизнеспособной личности (как «прогностическую модель среднего уровня»), акцентируя внимание на самых существенных, по их мнению, личностных и гражданских качествах: способность быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, уметь ориентироваться в экономической, социально-политической обстановке, сохраняя свою мировоззренческую позицию, гуманистические идеалы и ценности; обладать высокой социальной активностью, целеустремленностью и предприимчивостью, стремлением к поиску нового и способностью находить оптимальные решения жизненных проблем в нестандартных

ситуациях; иметь потребность в жизненных достижениях и успехе, способности к самостоятельному принятию решений, постоянному саморазвитию своего интеллекта и профессиональных качеств; быть социально ответственным, обладать развитым чувством внутренней свободы и собственного достоинства способностью к объективной самооценке и конкуренции с другими; иметь в разумной мере индивидуалистические установки, ориентацию на себя, свои интересы и потребности, обладать рациональным, альтернативным мышлением и прагматическим отношением к жизни; иметь национальное самосознание российского гражданина, быть патриотом, борющимся за сохранение единства России и ее становление как великой державы, занимающей одно из ведущих мест в мировом сообществе; понимать и быть готовым отстаивать интересы и ценности своей социально-возрастной, профессиональной, этнической, социальной общности.

В общем виде, такого рода модель достаточно универсальна. Дело в системе, через которую будет реализован социальный заказ на воспитание. Ведь согласно социологическим исследованиям⁸⁵ общегражданские, социетальные проблемы, отношение к которым во многом характеризует личность как гражданина, меньше всего беспокоят молодежь. «Экологическая обстановка» волнует 16,1% опрошенных, «нравы (безнравственность) в среде молодежи» – 15,2%. Последние позиции средних значений занимают: «уменьшение авторитета России в международном сообществе» – 9,7%, «состояние культуры в обществе» – 9,2%, «состояние с правами и свободой человека в стране» – 8,3%. Замыкают иерархическую лестницу «снижение чувства коллективизма и товарищества у россиян» – 5,5%, «отсутствие общенациональной идеи, способной объединить все слои общества» – 3,9%, «ситуация в межнациональных отношениях в стране» – 2,5%. Духовность как ценность рассматривают лишь 18,8% опрошенных, а «интересы моей нации» вообще замыкают ранговую таблицу ценностей – 7,5%.

Попытаемся определить структуру понятия «патриотизм». Опираясь на исследования, можно выделить следующие ее компоненты:

1. Эмоциональный
2. Интеллектуальный
3. Деятельностный
4. Потребностно-мотивационный
5. Волевой

---

⁸⁵ Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи. // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 46.

Выделение эмоционального компонента обусловлено соотношением эмоциональных и рационально-познавательных начал патриотизма. Являясь продуктом развития человека, чувства связаны с работой сознания. Как отмечает П.М. Якобсон, «чувство патриотизма... формируется в основном в школьные годы. В дальнейшем оно становится более зрелым и осознанным. Поэтому и существенно, чтобы все моменты ознакомления ребенка с родной страной, ее культурой, историей, духовным богатством рождали в нем глубокий эмоциональный отклик»⁸⁶.

Важное место в формировании патриотизма имеет тот факт, что эмоциональные переживания у детей приобретают более глубокий и устойчивый характер. Большую роль в обогащении патриотических представлений ребенка играют эмоции и чувства, которые позволяют активизировать сознание ребенка, развивать его патриотические чувства. Кроме того, особенностью проявления патриотических чувств детей является скоротечность и ситуативность. Ребенок может взволноваться только что услышанным рассказом о чьем-то героическом поступке, но затем на эти впечатления накладываются другие. В результате возникнувшее первое чувство может угаснуть. Поэтому, как считают психологи Л.И. Божович, П.М. Якобсон, необходимо закрепить возникшее чувство в многократных переживаниях, специально создавая для этого разнообразные ситуации для их закрепления. При выполнении этого условия эмоциональные переживания детей приобретают более глубокий и устойчивый характер, и дети будут способны проявлять заботу о близких людях и сверстниках^{87,88}[2, 17].

В воспитании школьника большое значение имеет пример эмоционального отношения взрослых к действительности. От богатства проявления чувств у взрослых зависит эмоциональное восприятие детьми того или иного явления действительности. По нашему мнению, важным является вывод А.Г. Ковалева о том, что эмоциональные отношения людей друг к другу являются исходным процессом формирования многих нравственных чувств [8,с.98]. Такие чувства, как дружба, любовь, гуманизм, коллективизм, патриотизм, вначале проявляются в форме привязанности ребенка к родителям, сверстникам, коллективу детей и формируются на основе часто повторяющихся эмоций. Воспитание такого сложного, многогранного

---

⁸⁶ Якобсон П.М. Изучение чувств у детей и подростков: (Развитие нравственных оценок у школьников). Психология чувств. Ч. 2. М., Изд. Акад. пед. наук РСФСР. 1961. С. 58

⁸⁷ Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Спб., «Питер». 2009. С.398.

⁸⁸ Якобсон П.М. Изучение чувств у детей и подростков: (Развитие нравственных оценок у школьников). Психология чувств. Ч. 2. М., Изд. Акад. пед. наук РСФСР. 1961. С. 213.

чувства, как любовь к Родине, осуществляется на основе развития и становления чувства симпатии, сопереживания, доброты, ласки к родным и близким людям. С ростом ребенка растет и чувство, распространяясь на более широкий круг людей, предметов, явлений.

И действительно социологические исследования показывают, что самая молодая возрастная группа обосновывает свой патриотизм преимущественно на эмоциональном уровне: «Люблю родину», «Люблю Россию, свой город», «Я люблю свою страну, она лучше всех других»⁸⁹.

Психологи подчеркивают важность возникновения основ патриотизма, которые составляют «прошлый опыт человека», опыт чувств, отношений к окружающей действительности. Если ребенок в детстве испытывал чувство жалости к другому человеку, радость от хорошего поступка, гордость за своих родителей, восхищение подвигом, подъем от соприкосновения с прекрасным, он тем самым приобрел «эмоциональный опыт», «зону эмоциональных переживаний», что будет иметь решающее значение для его дальнейшего развития. Тем самым будут «проторены пути для ассоциаций эмоционального характера», а это является основой, фундаментом более глубоких чувств, условием полноценного эмоционального развития человека. В детстве, по мнению В.А. Сухомлинского, человек должен пройти эмоциональную школу – школу добрых чувств. «Если добрые чувства не воспитаны в детстве, их никогда не воспитаешь...»⁹⁰.

Вместе с тем психологи утверждают, что нравственные чувства не могут возникнуть путем естественного вызревания. Их развитие и формирование осуществляются постепенно в процессе накопления и эмоционального освоения конкретных фактов из жизни Родины. И это развитие зависит от средств и методов воспитания, от условий, в которых живет ребенок. При целенаправленном воспитании патриотические чувства ребенка гораздо богаче, разнообразнее и проявляются раньше, чем у детей, не получивших правильного воспитания.

Поэтому следующим компонентом в структуре патриотизма, на наш взгляд, является интеллектуальный компонент. Он характеризует знания, взгляды, убеждения человека. Основу патриотического сознания составляют знания патриотического характера, на основе которых вырабатываются патриотические убеждения. В убеждениях проявляется единство моральных знаний и чувств человека. Они

---

⁸⁹ Чернова О.В. Россияне о патриотизме как ценности российского общества // Вестник Петровской академии. 2008. № 11. С. 157.

⁹⁰ Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. М., Молодая гвардия. 1971. С. 42.

являются идейно-психологическим компонентом сознания, непосредственно стимулирующим поведение человека, выбор действий и поступков. «Под воздействием мировоззрения возникает прочная структура мотивации личности, в которой решающее влияние имеют взгляды и убеждения».

В социологических исследованиях подчеркивается, что некоторой части молодежи свойственны более глубокие размышления о патриотизме, куда включены архетипические представления о родной земле и ее защитниках, о взаимосвязи поколений предков, настоящих и грядущих поколений. Это зафиксировано в высказываниях типа: «Считаю, что Россия – самая перспективная страна в мире», «Я ценю и уважаю все, что связано с родной землей. На этой земле жили мои предки, живу я, здесь будут жить мои дети»⁹¹.

В психолого-педагогических исследованиях В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, Н.Н. Поддьяков показывают, что у школьников можно успешно формировать обобщенные представления об окружающем мире, о связях между предметами и явлениями, взаимодействии в обществе, о ценности своей страны. Эти представления позволяют осознать себя частью общества, государства и быть готовым к патриотически-целесообразной активности. Обращаясь к истории своей страны, своего народа, ребенок начинает осознавать значение своей Родины, в нем растет потребность стать творцом, гражданином Отчизны, развивается интерес к жизни Родины. Этот интерес психологи А.В. Петровский и Г.А. Фортунатов рассматривают как познавательный аспект социальной потребности школьника, как предпосылку патриотического воспитания учащихся.

Работа по формированию положительного отношения к понятиям патриотического характера у школьников в процессе ознакомления их с окружающей действительностью, по исследованиям Н.П. Аксеновой, может идти по следующей схеме: возбуждение интереса к знаниям и явлениям, связанным с представлениями о Родине; развитие интереса к истории, к сегодняшнему дню, географии Родины и т.д.; укрепление и углубление интереса к различным явлениям, связанным с Родиной.

В последние годы все острее проявляется тенденция устойчивого роста интереса молодежи к далекому и недавнему прошлому нашего Отечества, и прежде всего, к героическим страницам его истории. Это позволяет нам говорить о том, что в молодёжной среде идет спонтанный поиск нравственных и духовных

---

⁹¹ Чернова О.В. Россияне о патриотизме как ценности российского общества // Вестник Петровской академии. 2008. № 11. С. 157.

ориентиров. Поддержка и помощь со стороны педагогов может существенно ускорить и оптимизировать этот процесс. Но для этого необходимо предоставить педагогам продуманные и целесообразные программы гражданского патриотического воспитания, вооружить их эффективными технологиями, используя позитивный опыт прошлых лет. Огромный воспитательный потенциал заложен в народных традициях. И поэтому основой для разработки таких программ может стать традиционная народная культура. Ситуация осложняется тем, что согласно социологическим исследованиям идея возрождения традиций пользуется поддержкой лишь у 18,8% опрошенных молодых людей⁹².

Знания превращаются в личностные убеждения только в процессе деятельности человека. Кроме того, именно в практической деятельности человек проявляет свои убеждения, формирует необходимые умения и навыки. Как показывает проведенный анализ понятия «патриотизм», во всех работах, посвященных данной проблеме, подчеркивается активный характер патриотизма, проявляющийся в практической деятельности человека на благо Родины, в служении Отечеству. Все это дает основание выделить в структуре данного понятия деятельностный, действенно-практический компонент.

В процессе патриотического воспитания деятельность позволяет расширять и углублять патриотические знания, формировать патриотические взгляды и убеждения, проявлять патриотические чувства, реализовывать потребности и интересы личности. Положительные эмоциональные переживания, связанные с деятельностью патриотического характера, побуждают человека к преодолению препятствий на пути к поставленной цели.

Важную роль в формировании деятельностного компонента патриотизма играет тот факт, что молодые люди с 14 лет обретают, хотя и не в полном объеме, гражданские права и отчасти становятся субъектами таковых. У части из них в этом возрастном периоде проявляется стремление к социальной активности, которая реализуется в общественных организациях и разного рода инициативах. Поэтому социальную активность в этот период можно оценить как важнейший фактор, воздействующий на формирование гражданственности и патриотизма, закрепляющий ценностный багаж, накопленный в детстве и отрочестве. Хотя этот же фактор, при известных условиях, может оказывать и обратное воздействие.

---

⁹² Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи. // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 47.

В советское время такого рода стремления реализовывались в массовых детской и молодежной организациях и, с одной стороны, были жестко контролируемы, а с другой, позволяли выразить себя в этих рамках довольно большому числу молодых людей.

Иное дело сегодня. Массовых молодежных организаций не существует. Хотя было бы ошибочным считать, что молодежи не нужны свои организации. За их создание высказались еще в 1995-97 гг. от 78 до 82% опрошенных сотрудниками НИИКСИ СПбГУ молодых людей по всей России. И с тех пор эти цифры почти не меняются, что говорит об устойчивости данной потребности. При этом 78,5% испытывают потребность в создании неполитических, а 21,5% – политических молодежных организаций. Более того, 69,9% хотели бы видеть в Государственной Думе молодежную фракцию. Однако реальность такова, что в настоящее время в большинстве молодежных организаций в лучшем случае состоит десяток-другой единомышленников. Поэтому среди большинства молодых людей преобладают пассивные формы проявления социальной активности (чаще всего, слежение за политической информацией или обсуждение актуальных вопросов в кругу друзей или с родителями). Объектом же симпатий или жесткой критики в этих случаях становятся политические лидеры, особенно руководители государства, олицетворяющие власть. В феномене недоверия к власти (у более чем 80% опрошенных по России молодых людей) отражается понимание молодым человеком меры неспособности этой власти и ее лидеров отвечать различным запросам, но в особенности делать ими что-то для решения уже осознаваемых молодыми своими ближайших жизненных задач. Решающей становится оценка молодыми людьми степени заинтересованности государства в решении их конкретных жизненных проблем. И следует отметить, что в целом, политика государства по отношению к молодежи не только не является заинтересованной. Она прямо тормозит социальное развитие молодежи, создает огромные препятствия для ее продуктивного развития. Вот почему, по данным исследований, патриотизм современной молодежи и ее гражданственность довольно явно противостоят государственности.

Одной из важных характеристик качеств патриотической личности является потребностно-мотивационный компонент. Мотивация как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, включает потребности, мотивы, интересы человека. Они тесно связаны с ценностными ориентациями человека. Как показал А.А. Бодалев, ценности принимаются детьми постепенно: сначала вынужденно, в силу определенных требований,

затем осознанно, добровольно и, наконец, когда становятся собственными мотивами-целями⁹³. На основе данных исследований, мы составили возможные уровни формирования патриотизма на основе потребностно-мотивационного компонента:

Уровни	Содержательная характеристика
0	Индифферентное отношение к понятию патриотизма
1	Уровень формирующихся представлений об истории своей семьи, своего края, накопление знаний в области страноведения, накопление знаний о героических страницах истории.
2	Уровень формирования понятий о ценности своей семьи, своего народа, его культуре и традициях.
3	Уровень формирующихся убеждений в значимости служения Отечеству, когда ценности Отечества закрепляются, интериоризируются в сознании личности как собственные, определяют мотивы поведения. Личность становится носителем патриотических ценностей.
4	Уровень самоотдачи, активной гражданской позиции по отношению к Отчизне. Личность становится активным творцом своей деятельности.

Данный компонент органически входит в структуру анализируемого понятия, так как предполагает характеристику интересов, стремлений, целей, мотивов деятельности человека, связанных со служением Родине.

Показательным в плане формирования деятельностного и потребностно-мотивационного компонента является анализ готовности защищать родину различными возрастными категориями, результаты которого могут быть сведены в таблицу⁹⁴:

Возрастная категория	Да (в %)	Нет (в %)	Не дали четкого ответа (в %)
18-30	78	16	6
31-45	82	6	12
46-60	92	6	2
Старше 60	90	6	4

Среди молодежи заметна явная тенденция снижения мотивации защищать Родину. Зато значительно возрастает желание покинуть Россию:

Возрастная	Да	Нет

⁹³ Общение и формирование личности школьника: Опыт экспериментального психологического исследования. Ред. Бодалева А. М., Педагогика. 1987. С. 65.

⁹⁴ Чернова О.В. Россияне о патриотизме как ценности российского общества // Вестник Петровской академии. 2008. № 11. С. 159.

категория	(в %)	(в %)
18-30	38	62
31-45	8	92
46-60	8	92
Старше 60	0	100

При осуществлении деятельности человек действует осознанно, управляет своими поступками, преодолевает возникающие препятствия. Это связано с проявлением воли. Патриотическая деятельность, связанная с высшими нравственными ценностями, также требует волевых усилий как в повседневных ситуациях, так и при совершении героических патриотических поступков. Волевые качества личности проявляются в способности:

- 10) формировать жизненные планы,
- 11) действовать сознательно в достижении цели,
- 12) регулировать свое поведение,
- 13) противостоять негативным влияниям внешней среды.

Волевая личность характеризуется целеустремленностью, решительностью, настойчивостью, дисциплинированностью и т.д. Поэтому вполне обоснованным является включение в состав структуры понятия «патриотизм» волевого компонента.

По нашему мнению, все выделенные компоненты тесно взаимосвязаны и представляют целостное единство, позволяющее понять сущностную характеристику патриотизма. Данные компоненты составляют полный набор, из которого нельзя исключить ни одного компонента, не нарушив обусловленности.

Важным фактором формирования патриотизма являются ценностные ориентации личности. Проблема общих тенденций изменений ценностных ориентаций в современном обществе неоднократно ставилась в центр внимания множества самых разных социологических исследований.

Система ценностных ориентаций обладает определенным балансом, однако ее гомеостатичность имеет динамический, подвижный характер. Даже в период равномерной эволюции общества ценностные ориентации подвергаются пусть медленной, но трансформации. А в период революционной ломки традиционных устоев ценностные ориентации становятся радикальными, и зачастую процессы их изменения в такие времена имеют неконтролируемый и стихийный характер.

Проблема динамики ценностных ориентаций связана с обширным кругом политических, экономических, правовых и других вопросов, поскольку эта динамика напрямую связана с

экономическими и политическими аспектами реформирования, – поэтому её анализ неотъемлем от рассмотрения влияющих на него факторов.

В период радикальных социально – экономических реформ ослабляют свое сдерживающее воздействие, либо совсем исчезают культурные рамки, которые ограничивали стихию общества, кристаллизовали паритет идентификационных и интеграционных тенденций, оформляли равновесие прав, свобод и обязанностей, ограничений, определяющих солидарность общества и государства.

Ослабление этих культурных рамок провоцирует «большой взрыв» традиционной системы ценностей. Динамику ценностных ориентаций в период реформирования определяет дисбаланс традиционного устоявшегося равновесия между материальными и духовными ценностями.

Стабильность социальной системы всегда характеризуется балансом между материальными и духовными ценностями. В годы реформ конфликт между ними возрастает, их баланс как гарант социальной стабильности нарушается, – начинается болезненная ломка устоявшейся система ценностей и норм.

Нарастающий дисбаланс между духовными и материальными ориентирами вызывает на макросоциологическом уровне – предреволюционные ситуации, этнические и классовые конфликты, напряженное противостояние власти и общества, конфликты между рабочими и собственниками, а на микросоциологическом уровне – страх, неврозы, озлобление, депрессии и т.д.

Исследователи последствий российских реформ отмечают, что «переходное состояние российского общества от принудительно направляемого хозяйства к современному рыночному обуславливает общественные сдвиги в ценностных представлениях, ориентациях и типах поведения различных групп и слоев населения. Само осуществление экономических реформ не было бы возможно, если бы не получили достаточно широкое распространение новые, не практиковавшиеся ранее типы экономического поведения, соответствующие новым условиям. Несмотря на достаточно консервативную природу системы ценностей, которая определяется не только экономическими отношениями, становящимися «здесь и сейчас», но и прошлым жизненным опытом, статусом конкретного человека, группы, слоя, традициями и обычаями, в обществе образовалась достаточная представительная реферативная группа, которая является носителем и двигателем новых экономических отношений. Эта группа в достаточной мере адаптировалась к новым

экономическим условиям, ей удалось в этой среде обрести новую идентичность, и благодаря этой идентичности – интегрироваться в новую экономическую реальность.

Однако, как пишут авторы того же исследования, возникла и другая общность людей как тех, чья личностная идентификация не совпадает с социально – символической идентификацией, – «одновременно оформилась и группа аутсайдеров, которые не принимают рыночный вариант развития, ориентированы на прошлые опыт и ценности».

Есть и третья группа, и их – большинство, – между этими крайними группами находится большинство населения, составляющее ту критическую массу, которая решает, в конечном счете, судьбу реформ в том или ином варианте. Поэтому наиболее актуальной в настоящее время становится включенность массового человека в реально проходящие преобразования, перспективы роста или снижения его социального статуса, адаптационные возможности, определяемые социально – демографическими, образовательными и даже психологическими особенностями.

На фоне мировоззренческой неопределенности экспансия массовой коммерческой культуры, агрессивно насаждая психологию потребительства и выгоды, приводит к нравственной деградации личности и снижению ценности человеческой жизни, примитивизирует смысл человеческого бытия, стимулирует асоциальные и противоправные формы самореализации (преступность, алкоголизм, наркомания, проституция), обуславливает массовое распространение мистических учений, движений и нетрадиционных культов, представляющих реальную опасность для нравственного здоровья молодого человека, ослабляет и разрушает механизмы культурной преемственности, угрожая сохранению самобытности отечественной культуры.

Исправить ситуацию возможно только, если утверждать в сознании людей патриотических и гражданских ценностей, потребности и умения эти ценности отстаивать, защищать. В этом контексте серьезной задачей является определение роли и места военно-патриотического воспитания в системе патриотического и гражданского воспитания в целом. Вопрос этот стоит на данный момент очень остро, так как изменение социальной системы Российского общества привело к отрицанию прежней системы воспитания, где военно-патриотическое было одной из ведущих составляющих, в соответствии с идеологической и оборонной доктриной тогдашнего государства.

Итак, мы выявили исходные установки для более полного и всестороннего понимания патриотизма и путей его формирования. В обобщенном виде их можно представить следующим образом.

Во-первых, патриотизм, особенно если иметь в виду его происхождение, возникает и развивается как чувство, все более социализируясь и возвышаясь посредством духовно-нравственного обогащения.

Во-вторых, понимание высшего развития чувства патриотизма неразрывно связано с его действенностью, что в более конкретном плане проявляется в активной социальной деятельности, действиях и поступках, осуществляемых субъектом на благо Отечества.

В-третьих, патриотизм, как глубоко социальное по своей природе явление, представляет собой не только грань жизни общества, но и источник его существования и развития, выступает как атрибут жизнеспособности, а иногда и выживаемости социума.

В-четвертых, одним из характерных проявлений патриотизма является принцип державности, отражающий специфику исторического развития нашего общества, важнейшим фактором которого выступало государство, как относительно самодовлеющая сила. На современном этапе развития российского общества возрождение патриотизма во многом ассоциируется в качестве важнейшего условия возрождения России как великой державы.

В-пятых, в качестве первоосновного субъекта патриотизма выступает личность, приоритетной социально-нравственной задачей, которой является осознание своей исторической, культурной, национальной, духовной и иной принадлежности к Родине как высшего принципа, определяющего смысл и стратегию ее жизни, исполненной служению Отечеству.

В-шестых, истинный патриотизм – в его духовности. Патриотизм как возвышенное чувство, незаменимая ценность и источник, важнейший мотив социально значимой деятельности наиболее полно проявляется в личности, социальной группе, достигшей высшего уровня духовно-нравственного и культурного развития. Истинный, духовный в своей основе патриотизм предполагает бескорыстное, беззаветное вплоть до самопожертвования служение Отечеству.

Патриотизм представляет собой своего рода фундамент общественного и государственного здания, идеологическую опору его жизнеспособности, одно из первоосновных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов.

В историческом плане патриотизм является источником духовных и нравственных сил и здоровья общества, его жизнестойкости и силы, которая особенно мощно и неудержимо проявляется на переломных этапах развития, во время больших, исторически значимых событий, в годы трудных испытаний.

Патриотизм зарождается и формируется как чувство, связанное с мирозерцанием родного края, ближнего окружения в раннем детском возрасте. В более зрелые годы это чувство социализируется, возвышается и все более осознается, особенно в процессе осуществления конкретных видов общественно-полезной деятельности.

Формирование истинного патриотизма связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане. На этом уровне развития личность идентифицирует себя с Родиной, Отечеством. Ее «Я» становится частицей, неразрывно связанной со множеством других «Я» социума, что в реальной действительности и конкретной деятельности проявляется в единении их чувств, ценностей, взглядов, норм, идеалов, целей, действий и поступков, интегрирующим моментом которого выступают высшие интересы общества, активная реализация идеи служения Отечеству.

Истинный патриотизм предполагает формирование и длительное развитие целого комплекса положительных, реально проявляемых качеств личности. Стержнем этого развития являются духовно-нравственный и историко-культурный компоненты. Истинный патриотизм выступает в единстве глубочайшего духовного освоения истории и культуры своего народа и активно-деятельностного участия в решении важнейших проблем современного общества. Патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою нераздельность, неразрывность с Отечеством, социальную роль и значимость деятельности, в интересах его возрождения и надежной защиты и испытывающей потребность дальнейшего развития посредством участия в явлениях и процессах, происходящих в обществе, государстве.

Проявление патриотизма у российской молодежи, уровень которого, определяемый на основе результатов анализа конкретных данных многих социологических исследований, оценивается как очень низкий, представляет собой отражение ситуации в обществе в целом. Основные параметры, характеризующие патриотизм молодежи, или, скорее, его отсутствие у её значительной части, иллюстрирует

также и состояние общественного сознания, степень проявления в нем одной из важнейших ценностей. Являясь неразрывной частью всего общества, молодежь, представляя собой в то же время специфическую социальную группу, тем не менее, концентрирует в себе целый ряд сторон, качеств общесоциологического, духовного, нравственного, мировоззренческого характера, которые лишь весьма условно дифференцируются в случае выделения этого слоя из всего населения России и его отдельного рассмотрения.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТУПИЧОК

А.Е. Зимбули

г. Санкт-Петербург

БЕГЛЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКА РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА 2015 ГОДА

Недавно вернулся из Уфы, так что пользуюсь возможностью поделиться свежими впечатлениями. Сразу дам общую оценку: как всегда на подобных сборищах, в Уфе было суетно, интересно, разноречиво. По содержанию – очень пестро. По уровню рефлексии – тоже разброс изрядный. Но в целом – смело заявляю: мысль (в том числе философская) в России живёт. Пусть и не процветает. Есть тяга к раздумьям и к обмену соображениями. Есть открытость к спору и преобладающая доброжелательность в адрес даже заведомого оппонента.

Поскольку данный текст – не официальный отчёт, он не будет втиснут в какую-то жёсткую хронологическую или предметно обозначенную композицию. Постараюсь не особо прыгать мыслью, но переключения заведомо будут.

ТЕМА нынешнего конгресса была сформулирована так: «ФИЛОСОФИЯ. ТОЛЕРАНТНОСТЬ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ. ВОСТОК И ЗАПАД – ДИАЛОГ МИРОВОЗЗРЕНИЙ». Может возникнуть предположение, будто инициаторы хотели втиснуть в название как можно больше значимых, важных сюжетов – то ли чтоб убедить кого-то в необходимости собраться, то ли из опасения, что это собрание может оказаться последним. (кстати, если не ошибаюсь, про следующий конгресс речь покуда не заходила, и никакой город не изъявил желания принять ораву людей, считающих себя мыслителями).

ОРГАНИЗАЦИЯ. Можно б начать с конца. Или с начала. Суть от этого мало изменится. Философы со времён свалившегося в яму Фалеса, похоже, не очень сильно продвинулись в умении решать бытовые проблемы. Слава Богу, в яму никто не падал. Даже основное из намеченного состоялось. Но отдельные сбои – случались. Первое, что меня удивило: регистрацию приезжих организаторы устроили на

третьем или четвёртом этаже в крохотной аудитории, сгрудив там столы с указателями букв, на которые начинаются фамилии участников. Я даже предложил было милостивым барышням помочь раздвинуть столы друг от друга, но предложение как-то зависло. Видимо, общая масса участников привычна к езде в трамваях, метро – так что, похоже, кроме меня непредусмотренная толчея никого не смутила. Порадовало, что церемония открытия конгресса началась точь-в-точь в намеченное время. Ну может с двухминутным опозданием. Да и когда видишь живых классиков – Стёпина, Гусейнова – что могут значить две минуты! Сидишь в огромном зале (кстати, парадность церемонии обеспечивалась тем, что открытие происходило в Конгресс-холле, где пару месяцев назад проходил солиднейший международный форум) – глядишь на знакомые и незнакомые лица, предвкушаешь умное, душеполезное общение. Красота! Но раз я упомянул слово «организация», то придётся попенять на обстоятельства, которые оставили меня без вписанной в программу лекции французской гостьи Сильви Бродзиаки. Её доклад «Глобализация и её влияние на педагогический процесс: вызовы и ограничения» был обещан в 16.30, и в составе дружной ватаги коллег я бодро шагнул в другой район Уфы к условленному времени. А там на вахте нас огорошили: лекция отменена. Потоптались, поуозмущались, попытались созвониться с руководством Конгресса – и минут через 15-20 огорчённо двинулись кто куда, под дождиком. Я люблю ходить пешком. Даже под дождём. Уфа – очень симпатичный город. Чистый, зелёный, с приветливыми горожанами, работающими фонтанами и немалым числом скульптурных вставок. В тот день даже и клумбы ещё выглядели по-летнему живописно. Так что время не пропало. Но когда я пришёл в гостиницу, выяснилось, что лекция всё же была прочитана. Повезло, стало быть, тем участникам конгресса, которые сильно опоздали, и, возможно, ведать не ведали о печалях тех, кто пришёл вовремя. Ну ничего – видимо, с текстами самых значимых докладов Российской философское общество ещё ознакомит своих членов. И про взгляды французской гостьи на вызовы, ограничения, глобализацию и педагогический процесс мне ещё удастся узнать.

К слову об иностранных гостях. Среди поздравителей и пожелателей на открытии Конгресса нужно бы упомянуть посла Ирана в России; почётного президента МФФО Иоанна Кучуради; генерального секретаря МФФО Луку Скаратино – которые в ёмких и выразительных напутствиях обозначили свои добропожелания и надежды.

Несколько позабавил, честно, представитель Испании, Виктор Томез. Он был не только краток (~ Поздравляю!), но и колоритен. Поскольку, произнеся это слово, взял с трибуны стакан воды и пошёл с ним на своё место в зал.

Самым, пожалуй, содержательным, философски солидным и публицистически выдержанным на открытии Конгресса был доклад главы Республики Башкартостан, Р.З.Хамитова (если я правильно записал). Далеко не самым главным, но эффектно подтверждающим неслучайность проведения Конгресса в Уфе, прозвучало известие о том, что в Башкирии живут и работают 34 доктора филос. наук, и это третье место в России после Москвы и Питера. Услышав эти цифры, я зауважал Башкирию по-особенному.

Заинтриговал меня доклад профессора Андрея Вадимовича Смирнова. В его рассуждениях разворачивалось объяснение того, что привычное для европейца суждение «S есть P» у арабов совершенно не работает. Для тамошних людей свойственно принципиально иная репрезентативная модель знания: «S опирание P». (замечу в скобках: я бы постарался перевести арабское суждение на русский язык как-то более доходчиво, чтобы было ясно, кто на кого опирается. Главное же – обозначив принципиальное расхождение логических структур Европы и Востока, докладчик так и оставил меня в недоумении: возможен ли – и если возможен, то как – диалог Востока и Запада).

А вообще – очередной раз вопросом остались для меня критерии, по которым назначаются пленарные докладчики. Убеждён: немало интересных докладов, звучавших на отдельных секциях, были бы уместнее в общем, а не местечковом масштабе.

РАБОТА НАШЕЙ СЕКЦИИ («ЭТИКА») мне понравилась. Народу было не слишком много, получилось, что десять докладчиков имели возможность и озвучить свои соображения в отведённое время, и ответить на возникшие вопросы. Обсуждение шло заинтересованно, открыто, без лести и брани. Я, по обыкновению, отводил душу в вопросах – и радовался, когда ответы на них звучали умные, полные, конструктивные. В работе нашей секции принимал активное участие А.А. Гусейнов – дополняя наши рассуждения и споры когда живыми примерами, когда шуткой, когда классическим комментарием. Наибольший интерес у меня вызвали выступления Ю.П. Воропаевой об абсолютной ценности достоинства, Н.В. Жадуновой об информационных войнах, А.В.Разина о глобальном мире и взаимной ответственности. Оппонентом моей точке зрения на толерантность (тема, заявленная в программе: «Парадоксы толерантности») выступила Н.К.Эйнгорн (текст озаглавлен: «Этическая апология

толерантности»). В целом, полагаю, получилось объёмное видение сгустка заявленных проблем. Никто никого не обзывал. Никто, надеюсь, не стал после обсуждения глупее.

После завершения программы родной секции у меня появилась возможность походить в другие места. Так, послушал ряд докладов на СЕКЦИИ «СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ»:

Г.Ю.Канарш («Проблема справедливости в современном российском обществе»),

Н.Н.Емельянова («Социальные функции науки в медийном пространстве»),

Е.А.Коваль («Нормативные аспекты толерантности в «хорошем обществе»»),

О.Д.Агапов («Смысл социально-философской рефлексии»). Наиболее содержательными и логично выстроенными показались рассуждения Е.А.Коваль.

Посетил также я СИМПОЗИУМ «ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА И ПРОБЛЕМА СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ». С удовольствием слушал и с ещё большим удовольствием спрашивал докладчиков А.М.Старостина (доклад «Философский опыт в цивилизационном контексте»), Т.Г.Лешкевич (доклад «Концептуальные подходы к проблеме смысложизненной рефлексии»). По поводу выступления последней не ограничился вопросом, а вставил ремарку, где сжато высказался о том, что в рассуждениях Аристотеля о золотой середине не было нуля, неспособности понимать ценность. В реальности же, стало быть, по каждой из нравственной альтернативе (мотовоство/скупость, безрассудство/трусость и пр.) нужно придерживаться не золотой середины, а двух золотых середин. Жизнь ещё более многомерна, многовекторна, чем это представлялось гениальному создателю этики.

Наконец, в рабочей программе Конгресса меня заинтересовал Круглый стол «ДИАЛОГ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ В XXI ВЕКЕ». Сплетнически сообщаю, что не меньше получаса ушло на согласование адреса мероприятия – доброжелательные сотрудники принимающей стороны созванивались, что-то уточняли и переуточняли. Мы пару раз прошли из копуса в корпус. В итоге участники Круглого стола оказались в аудитории, которую участникам Конгресса должны были уступить студенты Авиационного университета. И когда они уже почти все вышли из помещения, нас направили на другой этаж. Где, наконец, всё произошло – толково, энергично, коллегиально. Были рассмотрены заготовленные ведущими вопросы («ничейные территории науки и

философии», «общие территории науки и философии», «примеры успешного и неудачного их взаимодействия», «перспективы взаимоотношений») + добавляемые участниками. Например, «В какой степени философия – наука?», «Каковы методы науки и философии?», «Существует псевдонаука, а есть ли псевдофилософия?». Как водится, в итоге не было принято общей резолюции, но, надеюсь, что-то более чётко стали в означенном круге вопросов понимать буквально все, кто общался на Круглом столе.

Ещё несколько деталей.

Позабавили меня некоторые названия докладов:

«Интуиция» (неохватностью темы, неопределённостью ракурса рассмотрения)

«Теория происхождения ценностей Х.Июаса».

«Теория сознания Д.Чалмерса» (и там и там непонятно, речь идёт о Ценностях Юаса, о Сознании Чалмерса – или о Теории того и другого. Наподобие рекламе ~ Клиника позвоночника профессора Разумовского).

На стр. 72 Программы, среди докладов симпозиума «Цивилизационная парадигма и проблема смысложизненной рефлексии» обозначена тема «Общество кризиса», без указания автора. А я-то думал, что жарны анонимки и инкогнито в научной сфере не бытуют.

КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА. Во время регистрации тем участникам, кто хотел, выдавали корешки-приглашения на экскурсии. Я взял два. Первая экскурсия была автобусной по Уфе. Интересный, эмоционально окрашенный рассказ пришёлся очень кстати. Солнечная погода + ещё не очень холодный ветер способствовали бодрости и светлому восприятию рассказа про историю башкирского народа, про жизнь и подвиги Салавата Юлаева, про создание мечети ЛЯЛЯ ТЮЛЬПАН (= ВЕЧНО ЦВЕТУЩИЙ СИМВОЛ МУСУЛЬМАНСТВА). Вдобавок к экскурсионным впечатлениям эта поездка прибавила в мою жизненную коллекцию два впечатления о человеческих типах. Я ждал экскурсии в тёплом фойе Университета, не выходя на ветродуй. А когда за пять минут до назначенного времени вышел на ступеньки – увидел, что автобус уже практически заполнен. Садятся последние экскурсанты. Предъявив корешок, вошёл – и оказалось, что садиться некуда. Видя моё растерянное лицо, встал паренёк с середины последнего сиденья, и уступил мне место. Я так и не узнал имя героя. Единственное – убедился, что он попал во вторую автобусную экскурсию, проходившую в тот же день через три часа. Но ведь по контрасту с ним кто-то в моём автобусе сидел нечестно, без билета, не

по правам... То есть – сообщество, к которому я принадлежу, убеждаюсь лишней раз, состоит из довольно разнообразной публики...

Вторая экскурсия была в музей М.В.Нестерова. Кому как, а мне остроты восприятия прибавляла радость, что с утра – «отстрелялся», выступил по заявленной теме и поотвечал на заданные вопросы. Стало быть – можно и душевно отдохнуть, общаясь с красотами, собранными в музее. Пока ждал коллег, успел походить (спасибо сотрудникам музея, впустили!) по некоторым залам. Особенно – полюбовался временной выставкой китайских ваз. Разнообразием неповторимых форм, совершенством росписи и жизнеутверждающими настроениями, вдохновлявшими художников: Вечная весна, Союз стихий, Плодородная осень и тому подобными. Музей, надо отметить, размерами не велик. Но подбор экспонатов сделан с редким вкусом. А уж рассказ сопровождавшей нас по его залам сотрудницы (да простит она мою ветхую память на имена! Кажется – Вероника Александровна?) – был просто образцовым. И по оптимальному темпу, и по ассоциациям, и по сочетанию материала биографического с тематическим, и по чётким, тактичным конкретным ответам на наши вопросы – всё делалось со знанием, с душой. Вдобавок, если учесть, что рабочий день музея заканчивался – но нас и пустили на второй этаж, где развешивалась выставка современной российской художницы М. Гатауллиной – нашей радости и благодарности экскурсоводу, зрителям, гардеробщику не было предела. Спасибо им! Красивым, душевным людям, работающим в Хранилище Красоты.

Кстати о музее. На радостях купил там толстенную книгу, всего за 500 рублей. По дороге домой сумка всё сильнее оттягивала плечо. На мою радость перед поворотом к гостинице увидел отделение связи, и доверился почте: послал альбом домой. Обеспечив себе более комфортные авиаперелёты из Уфы в Москву и в Питер.

+ о Культурной программе. В день открытия Конгресса слух его участников, собирающихся к началу работы или пришедших на кофе-брейк, услаждали то струнный квартет, то саксофонист – и там и там музыка звучала отменная. Спасибо организаторам!

ЗАВЕРШЕНИЕ КОНГРЕССА. Где-то раньше я уже сказал о глубинном сходстве начала и завершения – отмечу: наряду с приличествующей ожиданиям торжественности и печальности, в процедуре расставания тоже были рассыпаны живые шероховатости. Так, когда люди уже собрались на закрытие в актовом зале Башкирского гос. университета, президиум не был заполнен. В частности, задерживался В.С.Стёпин, не было видно, здесь ли

А.А.Гусейнов (а он устроился в конце партера), и из президиума (от, кажется, А.Н.Чумакова) прозвучало приглашение: «Пока ждём Вячеслава Семёновича – может, кто хочет поделиться своими соображениями, предложениями?». Тут из середины зала на сцену что-то вытолкнуло меня. Я произнёс приблизительно следующее: Представляю Российский педагогический университет в Петербурге, и секцию Этики. Прежде всего – большое спасибо организаторам и хозяевам. Спасибо гостеприимному городу Уфе за радушие. Спасибо за замечательные экскурсии – обзорную по городу и за рассказ о музее Нестерова. Уфимский конгресс – уже не первый для меня. Довелось видеть, как проходила работа в Петербурге, в Москве, в Нижнем Новгороде. Видел контрасты: в Москве – мою секцию Этики выстроили в огромную живую очередь-конвейер, и гнали приехавших без передышки, лишая возможности задавать друг другу вопросы. Хотя как раз живое общение – это едва ли не главное, ради чего стоит устраивать конгрессы. Здесь же обратил внимание вот на что. Внимательно читая Программу Конгресса, отмечал на полях буквой «Э» те доклады, тематика которых имеет прямую связь с этикой. Справедливость / Несправедливость. Ответственность / Безответственность. Гуманность / Жестокость. Добро / Зло. Честность / Ложь, Труд / Лень... Отмечать – устала рука. То есть тематика, профессионально значимая для меня и моих коллег, рассыпана по разным секциям. Из этого факта я делаю по меньшей мере вывод о значимости того, чем занимаются этики. И – поделюсь своей болью. Уже много лет этика не включена в число обязательных вузовских дисциплин. Даже на тех факультетах, которые готовят педагогов и гуманитариев. Мне бы очень хотелось дожить до тех времён, когда положение будет исправлено. Когда мне с моими коллегами удастся вместе готовить молодых людей к осмыслению общезначимых нравственных проблем.

После меня успели высказаться ещё, кажется, два человека – затем появился В.С.Стёпин, и подведение итогов началось. Руководителей секций то и дело поторапливали. Причём дали высказаться руководителям только тех секций, названия которых совпадают с ВАКовским перечнем философских направлений. И всё же, невзирая на некоторую торопливость, – были озвучены и основные позитивные наработки, и проблемные точки, и пожелания на будущее. Порадовало меня, что среди выступавших были не исключительно старейшины. Было отмечено, что ПРАЗДНИК ФИЛОСОФИИ получился.

СЕРТИФИКАТ. В два последние дня Конгресса его участникам

раздавались сертификаты. Я сподобился получить даже два экземпляра. Первый выписали на фамилию, созвучную с моей, но заканчивающуюся на татарский лад. Я безропотно взял красивую бумагу, подписанную В.С.Стёпиным, А.Н.Чумаковым и А.Д.Королёвым. Но какой-то доброхот заметил неточность, и мне-таки был выдан уточнённый документ, соответствующий не только духу, но и букве прошедшего события.

Понятно, смысл Конгресса – совсем не в сертификатах. Спасибо всем, с кем мне довелось общаться. Кого слушал, с кем полемизировал. Ещё раз спасибо всем-всем организаторам. Спасибо и тем представителям философского сообщества России, кто не сумел в этот раз подключиться к очному общению. Хочется высказать добропожелания и тем, кто в этот раз вообще оказался вне орбиты Конгресса. Да будут следующие Всероссийские философские встречи как можно более всеохватными, продуктивными, взаимополезными, интересными.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Боровой
Евгений Михайлович**
г. Новосибирск   Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Ежов
Виктор Семенович**
г. Новосибирск   доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Зимбули
Андрей Евгеньевич**
г. Санкт-Петербург   доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
- Лебедев
Артем Владимирович**
г. Новосибирск   аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Носова
Ирина Владимировна**
г. Новосибирск   Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Петрухина
Ольга Владимировна**
г. Новосибирск   аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Попов
Вячеслав Геннадьевич**
г. Новосибирск   аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Решетникова
Елена Васильевна**
г. Новосибирск   кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Сабиров
Владимир Шакирович**
г. Новосибирск   доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Соина
Ольга Сергеевна**
г. Новосибирск   доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Чудинов
Сергей Иванович**
г. Новосибирск   кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики

